

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

УМНЫЕ
СВОЛОЧИ

ЭКСМО

Расследования криминального репортера

Сергей Зверев
Умные сволочи

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Умные сволочи / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-699-64723-1

Его зовут Виртуоз. Он – частный сыщик. Ему поручено помочь молодой женщине Алине. У нее год назад погиб муж, теперь убит ее брат Геннадий, а следом – еще два его компаньона. Виртуоз должен разобраться в причинах убийств. А разобраться совсем не просто. Перед ним запутанный клубок. А милейшая супружеская пара – дачные соседи Алины – старается этот клубок запутать еще сильнее.

ISBN 978-5-699-64723-1

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
1	5
2	7
3	8
Часть 1	10
Глава первая	10
1	10
2	11
3	13
Глава вторая	16
1	16
2	18
3	19
Глава третья	22
1	22
2	27
3	28
Глава четвертая	30
1	30
2	34
Глава пятая	35
1	35
2	40
Глава шестая	43
1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Зверев

Умные сволочи

Судьба человечества – в руках человека. Вот в чем ужас.

В. Гжещик

Самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет.

Эпикур

Пролог

1

Их было не меньше десяти. Точное количество трудно определить, поскольку их вообще было трудно увидеть. Облаченные в камуфляж, сливаясь с травой, они скрытно перемещались к заданной цели – одиноко стоящему дому.

Правда, назвать это строение домом язык не поворачивался. Развалины – как после бомбежки. Отсутствовала крыша, окна без стекол зияли чернотой, стены были частично разобраны: кирпич, скорее всего, растаскивало население видневшейся примерно в километре деревушки.

Строение выглядело мрачно в противоположность окружавшему его ландшафту. Густая некошенная трава, купы кустов, вековые дубы кое-где... И звенящая тишина. Но лишь до того момента, как бойцы достигли разрушенного строения и принялись брать его в кольцо. Так же скрытно, как до того подползали к нему.

Все изменилось довольно быстро.

Он оказался у одного из оконных проемов, через который собирался нырнуть внутрь. Вот только сделать этого не успел.

В окне показался паренек. На вид ему было лет тринадцать, в легких шортиках и видавшей виды майке. Паренек ловко перемахнул через подоконник и замер как вкопанный.

Да и было от чего.

Человека в камуфляже паренек заметил не сразу. Тот лежал в траве у самого окна, однако форма хорошо его маскировала. Но когда мальчишка оказался снаружи, человек попытался встать.

Тогда паренек и увидел непрошеного гостя, на миг остолбенел, а затем невольно отшатнулся, упершись спиной в стену.

Человек случайно оказался у этого окна, случайно столкнулся с мальчишкой. Это ни в его планы, ни в планы его коллег не входило. Впрочем, он тут же решил, что паренек не создаст особых проблем.

Он так решил. И напрасно.

Человек поднес палец к губам, как бы приказывая мальчишке не шуметь. А затем улыбнулся, давая понять, что ничего плохого ему делать не собирается.

Он-то не собирался. Чего нельзя было сказать о мальчишке.

То, что дальше проделал парень, с ходу уложиться в голове у взрослого мужчины не смогло.

Парень вдруг ловким движением рук переместил заброшенный за плечи предмет вперед. И от вида этого предмета человек удивленно округлил глаза. Предмет был ему хорошо знаком, а вот то, что он находился в руках у мальчика, было непонятным и неправильным.

Парнишка держал обрез и недвусмысленно направлял оружие на внезапно появившегося перед ним мужчину.

– Ты что? – едва слышно прошептал человек, все еще не веря в то, что так некстати вставший на его пути паренек может принести беду.

Не верил он зря.

Мальчишка, хоть и был так юн, нажимать на спусковой крючок умел. Громкий выстрел разорвал тишину и затихающим эхом растаял вдали.

Маскироваться уже не имело смысла, и люди в камуфляже стали врываться в разрушенное здание с грохотом, выстрелами и отчаянно матерясь. На подступах к зданию их было не менее десяти. В здание попало на одного человека меньше. Тот, кто повстречался с мальчишкой, остался лежать на земле.

Пулей пробитая грудь вздымалась все реже и реже. Он смотрел в голубое небо и, кроме него, ничего не видел.

Ему больше ничего не было нужно.

Он успел подумать, что у него самого растет сынишка, что вот надо же... И на этом все кончилось.

Глаза остались открытыми. В них застыли боль и недоумение...

2

Спустя год двое стояли у моря и смотрели вдаль. Казалось, у них закончился отпуск, и они прощались с бескрайним морским простором. В некотором смысле так и было.

– Мне только что звонили, – произнес он, не оборачиваясь к своей спутнице. – Мы можем вновь приступить к работе.

Она тяжело вздохнула.

– Вижу, тебе этого не очень хочется, – истолковал он ее вздох.

– Не очень, – подтвердила она. – Мне здесь понравилось. Я даже привыкла. К этому морю, солнцу, безделью. И к тому, что не надо делать работу – нашу с тобой работу.

Последние слова она произнесла с нажимом, как бы подчеркивая их значимость.

Он ее хорошо понял.

– Мне тоже здесь нравится. Но деньги уже переведены. А это, как ты понимаешь...

– Это значит, – за него закончила она, – что мы не можем отказаться.

– Мы не можем. Ни отказаться, ни пойти на попятную. Мы можем только продолжать.

Она вновь тяжело вздохнула, не скрывая сожаления.

– Плохо.

– Что плохо? – не понял он и посмотрел на женщину так, словно видел ее впервые.

– Плохо, что не можем остановиться.

Он насупился и хотел ответить: почему же нет, почему мы не можем остановиться? Но затем подумал и решил, что женщина права – они уже вряд ли остановятся.

3

Управляющий был сама любезность. Он принял клиента в своем кабинете, угостил кофе, и пока тот с наслаждением потягивал ароматный напиток, выдворил ожидавшую указаний секретаршу, прикрыл за нею дверь и быстренько вернулся к посетителю.

Улыбка не сходила с его лица.

– Как вам у нас? – поинтересовался он, всматриваясь масляными глазенками в лицо клиента.

– Обслуживание по-прежнему на уровне, – сделал комплимент посетитель, чем вызвал прилив энтузиазма у хозяина кабинета.

Тот ловко обошел стол, плюхнулся в свое кресло и улыбнулся еще шире.

– Всегда рады. Таким людям, как вы, мы всегда рады.

Посетитель удовлетворенно кивнул. Он был старым клиентом этого банка, притом клиентом при деньгах, которых банк лишаться никак не желал. Управляющий готов был удержать выгодного клиента всеми известными ему способами.

Но этого не требовалось. Клиент уходить не собирался. Более того, сегодня он воспользовался еще одной из услуг, которые предоставлял банк.

Сегодня он абонировал ящик, куда что-то положил.

Управляющий снизошел до того, что лично находился возле клиента при оформлении этой операции.

Потом еще пригласил его к себе в кабинет.

И клиент оценил данный порыв – ответной улыбкой и последовавшей затем репликой:

– Что мне в вас нравится – так это, что вы всегда рады. Именно поэтому я у вас, а не у кого-то другого.

Управляющий понимающе кивнул и принялся пространно рассказывать о планах по развитию банковской системы и конкретно вверенного ему учреждения.

Взмахом руки посетитель остановил собеседника и попытался прояснить волнующий его вопрос.

– Скажите, кроме меня кто-то может вскрыть мой абонентский ящик?

– Ну что вы!.. – гордо вздернул подбородок управляющий и даже готов был побожиться в правдивости своих слов.

– К-хм. – Казалось, посетителя такой ответ не удовлетворил, и, насупившись, он заиграл в руке ключом от этого самого абонентского ящика.

– То есть... – управляющий вдруг запнулся, поняв, что сказал не совсем то, что от него ожидалось.

– К-хм, – вновь протянул свое посетитель, как бы подбадривая собеседника, дабы тот сам отыскал нужный ответ.

Управляющий задумался и как-то робко предположил:

– Я имел в виду, если нет на то специального указания клиента. Но если клиент хочет передоверить выемку содержимого ящика другому, то...

Посетитель оживился, выказывая этим, что управляющий попал в точку. И хозяин кабинета, уже успокоившись, закончил:

– ...то здесь нет никаких проблем. Желание клиента для нас обязательно. Вместо вас кто-то придет?

Посетитель задумался. Решение давалось ему с трудом. Он долго размышлял над этим вопросом и все же ответить на него не мог.

Но он уже был в банке, уже абонировал ящик. И кое-что туда положил. А следовательно, необходимо принять решение.

– Х-м, – натянуто выдохнул он, – может сложиться такая ситуация, что я не смогу появиться в банке. И придется это сделать другому.

– Понятно, – уверенно заявил управляющий, хотя на самом деле ему сие особо понятным не было: какая такая ситуация может сложиться у его постоянного клиента?

Но делиться своими сомнениями он не стал. Напротив него сидел клиент. А клиент, как известно, всегда прав.

– Не волнуйтесь, сей момент мы все оформим, – заверил он посетителя, удерживая на лице дежурную улыбку.

Человек сжал в руке ключ с номерком. Он принял решение. И оно не показалось ему таким уж неверным.

Часть 1

Паутина

Глава первая

1

Первой ее мыслью было – что за ерунда? Вторая не замедлила явиться следом – наверное, показалось. В последнее время она слишком нервничала, слишком часто впадала в состояние, которое иначе как депрессией и не назовешь. Поэтому вторая мысль, казалось, была ближе к истине.

Однако в следующее мгновение пришлось констатировать, что это не так.

Раздался детский крик, следом послышался плач – и она поняла, что ничего ей не показалось. Что несколько секунд назад она на самом деле слышала выстрел, и вот как результат – плач ребенка. Не очень хороший результат. А потому она не стала больше прислушиваться к своим мыслям, оставила дверцу машины открытой и бросилась к соседнему дому.

Калитка была распахнута, а представшее ее глазам зрелище нельзя было назвать приятным.

Мальчик лежал на крыльце, поджав под себя ноги, и тихонько скулил. После громкого возгласа сил на крик у него не было. Возле крыльца валялась охотничья двустволка, рубашка мальчишки в области предплечья набухла от крови, – и женщина моментально эти два обстоятельства соединила воедино.

– Надо же, – выдохнула удивленно она и уже бегом бросилась к мальчику.

Тот никак не мог успокоиться, все елозил по бетонному крыльцу, и женщине пришлось с силой прижать того к себе и властно прикрикнуть:

– А ну успокойся!

После этого мальчишка затих. Правда, ненадолго. Как только она принялась осматривать паренька, тот вновь задергался, намереваясь выскользнуть из ее рук.

Рана была лишь на предплечье. Других она не нашла и несколько успокоилась. Рана была не смертельной, однако парнишка терял кровь, и следовало поторопиться.

– Где твои родители? – тихо спросила она, разрывая у мальчика рукав рубашки и пытаясь по-быстрому наложить на рану подобие повязки.

– Н-ету, – заскулил мальчишка, стискивая зубы и по-прежнему дергаясь.

– А ружье? – не унималась она, продолжая возиться с раной.

– Я нечаянно, – прошамкал губами паренек и вдруг громко заплакал.

«Вот черт, – бросила самой себе она. – Взять бы твоих родителей за одно место да хорошенько тряхнуть, чтобы знали, как хранить оружие».

– Ну держись, стрелок, – успокаивающе сказала она и подхватила парня на руки.

День начинался не совсем так, как ей хотелось. А вот что он ей в конечном счете должен был принести... Этого, пожалуй, она даже в самых смелых фантазиях не смогла бы представить.

2

Стук в дверь раздался около девяти вечера. Она никого не ждала, никого не хотела видеть и поэтому не торопилась открывать. Она вообще не торопилась. Продолжала лежать на диване, смотрела на яркий огонь в камине и маленькими глотками смаковала вино из глубокого бокала.

Стук повторился.

Она грустно вздохнула, поставила бокал на пол рядом с диваном и посмотрела на дверь в надежде, что стучать больше не будут и ничто не потревожит ее покой.

Не получилось...

На этот раз в дверь ударили сильнее.

– Ну надо же, – раздосадованная, она вскочила на ноги.

Длинные пряди волос упали на плечи, холодно блеснули голубые глаза.

– Здравсте, – слегка поклонился человек, когда она открыла дверь.

Мужчине было под сорок. Приветливое лицо, густые с проседью волосы, одежда вполне демократичная – шорты и белоснежная футболка навывпуск.

Мужчина держал цветы и бутылку дорогого коньяка. И это не совсем гармонировало с одеждой незваного гостя. Разве что с приветливым лицом.

– Ну, здрасте, – нехотя согласилась она и прищурилась. Попытка выскрести из закров своей памяти заявившегося к ней успехом не увенчалась.

Мужчину она не знала и, соответственно, не могла понять, по какому поводу тот нанес ей визит, да еще в таком прикиде.

– Мы с вами не встречались, – пришел ей на помощь человек и тут же поправился: – Еще не встречались. Я ваш сосед. Зовут меня Николай. А фамилия – Тишков. Разрешите?

Она из вежливости отступила в сторону, хотя ей хотелось сделать совсем иное – тут же попрощаться и захлопнуть перед визитером дверь. Она не хотела никого видеть, и соседа в том числе, тем более незнакомого.

– Мы купили здесь дачу неделю назад. У Марфы Игнатьевны, – пояснил сосед, по-хозяйски окидывая гостиную взглядом.

Вот Марфу Игнатьевну она помнила. Милая старушка, похоронившая с год назад старика. И теперь она поняла, что за сосед к ней явился.

Старушку забрал к себе ее сын. Увез куда-то далеко – где сам жил. А дача стала не нужна. Ее и продали. Получается, вот этому мужчине, с которым она не успела еще познакомиться. Но, кажется, теперь ей предстоит это сделать.

Стало понятным, почему он пришел. И почему у него в руках розы и бутылка дорогого коньяка.

– Мы уже здесь неделю, но так и не познакомились, – Тишков остановился возле столика и поставил на него бутылку, цветы оставил в руке. – И я не думал, что придется это делать при таких обстоятельствах.

Он подошел к хозяйке дома и протянул букет.

– Спасибо вам за сына. Вы ему помогли, отвезли в больницу...

Он пребывал в волнении, запнулся.

– С ним все нормально? – спросила она, принимая цветы.

– С ним все хорошо. Врачи говорят, что я уже завтра смогу его забрать. Вы извините... Но, ей-богу, я всегда закрывал ящик, в котором хранилось охотничье ружье, на замок. Как я мог в этот раз забыть?

– Никаких проблем, – она взяла вазу, поставила в нее букет и отнесла на журнальный столик.

Пострадавший из-за своей беспечности мальчишка не особо отнял у нее время. Она сегодня пораньше приехала на дачу, чтобы прибраться к приезду сынишки. Тот возвращался из лагеря отдыха, и они собирались остаток его каникул и ее отпуска провести вместе на даче. Она успела отвезти раненого мальчишку в больницу, не стала там задерживаться и вернулась на дачу. Вполне успешно справилась с уборкой, встретила сына, привезла его сюда, и теперь тот спал на втором этаже.

– Вы часто оставляете своего сына одного? – заполняя затянувшуюся паузу, спросила она.

– Приходится. Знаете, работа такая. Да он и привык. К тому же никогда без спросу никуда не лазил. А тут... Наверное, потому что сидит дома один. Тут на дачах сейчас много детей, я заметил. А у него что-то не получается подружиться.

– Без присмотра вам бы не стоило впредь его оставлять, – заметила она.

– Мы приучаем его к самостоятельности. Он большой. И ему придется часто быть одному.

Да уж, большой. Настолько, что из любопытства вытаскивает ружье и по чистой случайности ранит себя. Хорошо, хоть не в голову выстрелил.

– А вы... – он сощурился, вопросительно глядя на женщину.

И она правильно его поняла.

– Алина. Меня зовут Алина.

– А, ну да! – спохватился он, словно ее имя знал, но успел подзабыть. – Алина... А вы, Алина... – он вновь обвел взглядом гостиную и после этого закончил фразу: – ...тут одна?

– Я здесь с сыном, – ответ был коротким, вопрос гостя был ей неприятен, она вообще не желала говорить о себе и своей семье.

– Ну да, – согласился Тишков, словно иного и не ожидал услышать. – И сколько вашему сыну?

– Ему тринадцать. И он сейчас спит у себя в комнате на втором этаже, – она произнесла это так, будто указывала, что принимать гостей сейчас не совсем подходящее время.

Но мужчина уходить явно не торопился.

– Значит, они ровесники, – как-то довольно сделал вывод он.

– Кто ровесники?

– Мой мальчишка и ваш сын. И это хорошо, – приободрился в следующее мгновение Тишков. – Я к тому, что они могли бы подружиться, – поспешно улыбнулся визитер. – Вы не собираетесь уезжать отсюда?

Он посмотрел на женщину так, словно готов был в следующую минуту, если бы ответ его не устроил, молить ее на коленях остаться тут.

– Х-м, – буркнула она и нехотя сказала: – Ну, мы собираемся тут пробыть какое-то время. Отдохнуть.

Мужчина повеселел. Он прошелся по гостиной, подошел к секции, окинул взглядом ее содержимое и обратил внимание на один из предметов.

Алина стояла у журнального столика и не сразу поняла, что так заинтересовало гостя. И почему он остановился у секции.

Тишков наконец сказал:

– Простите. Тут на фотографии с вами...

– Это мой муж. Он погиб. И я не хотела бы на эту тему говорить.

Она отвернулась, а затем сама заходила по гостиной.

– Простите, – Тишков смешался, потом затоптался, переминаясь с ноги на ногу, и наконец робко сдвинулся с места, еще сам не зная, как дальше поступить. – Я не хотел...

– Выпьете? – она остановилась у столика и протянула руку к бутылке, которую он принес.

Тишков покачал головой. И уже на словах категорически отказался от такого предложения:

– Нет, нет. Этот коньяк вам в подарок. То есть это, конечно, не значит, что вы не можете его открыть. Просто я не хотел бы, чтобы вы это делали ради меня.

– С чего вы взяли, что я собираюсь делать что-то ради вас?

– Да? – Он удивился резкости ее слов, замялся, посмотрел на свои часы и заторопился: – Ну, тем не менее... Мне пора. Там жена у меня осталась одна. После случившегося она несколько не в себе. А я это... – Он подошел к дверям, остановился и, словно бы раздумывая над принятием решения, с расстановкой произнес: – А я, знаете ли, хотел пригласить вас завтра к нам. На ужин. Моя жена очень просила вас прийти. И как соседей, и как... Ну, вы помогли нашему сыну. Завтра я его забираю из больницы. Врачи сказали, что с такой раной он вполне может долечиться и дома. Вот...

Он вопросительно посмотрел на женщину.

Алина не спешила с ответом. Она уже давно не ходила в гости. И не собиралась этого делать в ближайшем будущем. Видеть ей никого не хотелось. И этот мужчина не был исключением.

Тишков словно уловил ее мысли.

– Жена очень просила, – повторил он. – Никого не будет. Просто ужин. И дети познакомятся. А?

– Хорошо, – выдохнула она, как марафонец, пробежавший свою дистанцию.

Глаза Тишкова благодарно заискрились. Он открыл дверь и, прежде чем закрыть ее за собой, уже твердым голосом сказал:

– Я зайду за вами.

Эта твердость поразила ее. После просительных, неуверенных ноток, казалось, твердости в голосе у этого нерешительного мужчины вообще не могло быть. Однако нате-ка вам.

Тишков оставил после себя запах дорогой туалетной воды.

И что-то еще. Что-то было еще, чего она сразу не смогла понять.

Алина прошла к дивану, села и уставилась на играющий языками пламени огонь в камине. Она подняла с пола бокал, допила вино и только после этого поняла – что.

Алина попыталась вспомнить лицо визитера, но, как ни старалась, у нее ничего не получалось. Перед мысленным взором всплывали шорты, майка и седина – а вот лицо...

Это ей не понравилось.

А затем раздался телефонный звонок. И она еще больше нахмурилась. Звонка она также ни от кого не ждала.

3

Она не успела еще и слова сказать, как нетерпеливый голос прорвался через эфир, опережая ее:

– Алька?

– А кто же еще? – хмыкнула она, поудобнее устраиваясь на диване. Звонил брат. И, зная его, она приготовилась к продолжительной беседе.

– Привет, малышка.

– Привет. И что случилось?

С братом она виделась на прошлой неделе, тот улетал куда-то по своим делам и обещал вернуться не раньше чем через месяц. Однако если он ей позвонил, следовательно, у него что-то изменилось.

– Хм, – осторожно выдала трубка. – Ну ты уж сразу – и случилось. Могла бы хотя бы для начала поинтересоваться, как здоровье.

– Ну и как здоровье? – без интереса спросила она и тоскливо посмотрела на пустой бокал.

– А здоровье ничего, – оживился собеседник.

– И это все, что ты хотел мне сообщить?

– Слушай, сестричка, ты опять мне активно начинаешь не нравиться, – тоном отца пронесли на другом конце провода.

– Я же спросила о здоровье, – напомнила она ему.

– Ха. И это все?

– А что еще?

– Ну теперь спроси, как дела? – подсказал он ей.

– Ну и как дела? – голосом прилежной школьницы повторила она.

– А вот здесь есть маленькие нюансы, – доверительно поведал он. – Я завтра прилетаю. И хочу наведаться к тебе. Ты будешь на даче?

Она никогда не вмешивалась в дела брата. Тот также не считал нужным посвящать ее в них. Теперь, как видно, решил изменить традиции. Значит, на то были причины. И довольно веские. Уж она-то в том не сомневалась.

– Ты должен был приехать через месяц, – напомнила ему Алина.

– Я же говорю – нюансы, – оскорбленно повторил он, будто она его до этого не слушала. И словно опомнившись, осторожно спросил: – У тебя все в порядке?

– У меня сегодня был трудный день. Вернулся из лагеря Алексей. Пришлось к его приезду несколько прибраться.

– Алешка? Отлично. Я рад буду его увидеть, соскучился, – разоткровенничался братец, а затем скоренько вернулся к прежней теме: – Так ты завтра будешь на даче?

– Когда приедешь?

– Вечером. А что? Ты вроде бы в отпуске. Или я что-то упустил?

– Ты ничего не упустил. Просто меня пригласили на ужин к себе соседи.

– Соседи? – собеседник не на шутку удивился. – Какие еще соседи?

– Новые. Они поселились в доме Марфы Игнатьевны.

– Хм, – задумчиво протянул оппонент. – И когда это, интересно, ты успела познакомиться?

– Да вот успела. Так уж получилось.

– Ну-у, – недоверчиво протянул братец, а затем бодренько продолжил: – Ладно. Я все равно приеду. Мне очень нужно. А тебе я мешать не буду. Ты можешь идти к соседям – я побуду дома.

– Что-то ты недоговариваешь, – усомнилась она.

– Ладно, малышка. Приеду – расскажу.

Он, как заведено, поинтересовался погодой, вспомнил общих знакомых и после этого попрощался.

Она положила трубку и уставилась на бутылку коньяка. Коньяк был французским и, как знала она, дорогим. Открывать бутылку ей стало отчего-то жаль. Не часто ей дарили такие напитки. И так же не часто она таковые употребляла. А если честно, и не помнит, когда то было. Да и было ли вообще?

С некоторых пор она могла думать лишь о немногих вещах и совсем о немногих людях. Об Алешке. Пожалуй, о брате. Ну и естественно...

Да, это было естественно.

Она почувствовала, как кольнуло сердце, и быстро вскочила на ноги. Отнесла коньяк в бар и вытащила оттуда початую бутылку вина.

Вино было относительно дешевым, и она могла его поглощать без сожаления.

Алина вернулась к дивану, наполнила бокал и уставилась в камин. Была середина лета. Но она топила камин, несмотря на жару. Огонь успокаивал, насколько возможно, и создавал иллюзию внутреннего тепла.

Сейчас языки пламени медленно угасали.

«Вот так и жизнь, – подумала она, – медленно, но неотвратно угасает. Если не поддерживать огонь. Если не поддерживать жизнь».

Ее жизнь сейчас поддерживал только Алешка. Ну и, пожалуй, воспоминания.

Она удобно устроилась на диване и пригубила вино.

Сегодняшний день был на самом деле какой-то сумбурный. Алина устало закрыла глаза.

О будущем она с некоторых пор не думала. Она жила прошлым. Она жила настоящим. Третьей категории времени для нее не существовало.

Следующий день привнес коррективы и заставил ее вновь задуматься и о будущем.

Глава вторая

Косарев

1

– Ну и что ты тут расселся, чмошник недоделанный?!

Широкая массивная грудь, широкая мясистая физиономия нависли над столиком. Проманхнуться просто невозможно. Было бы только чем запустить в цель.

Я тяжело вздохнул, поняв одно – будут бить. И если бы этот громила был один. Увы. Через два столика расположились менее крупные, но все равно вполне внушительной комплекции возбужденные алкоголем дружки этого питекантропа.

Сидевшие по бокам мои подружки как-то попритихли. До этого они сотрясали стены кабака хмельным хохотом, пытаясь приобщить и меня к своему горлопанству, чем и вызвали внимание трех мужланов. Те ударно поглощали водку и завистливо поглядывали в мою сторону – дескать, явился, падаль, один с двумя бабами, а у нас, понимаешь, ни одной.

В конце концов один не выдержал и двинулся ко мне. По всей вероятности, намеревался выпшвырнуть меня из заведения, а моими подружками после этого активно попользоваться. Ну, со своими ребятишками, конечно.

Мои девчонки лишь на некоторое время выпали в осадок, а затем повели себя очень даже энергично.

– Пошел вон, сперматозоид бешеный, – выдохнула одна, пьяно икнув.

– Иди со своими дружками подрочи, – выдала вторая и захихикала.

«Так-с, – отметил я про себя, – бить точно будут. Вопрос в том – как долго». По тому, как стали подниматься из-за столика дружки питекантропа, я умозаключил, что разминкой дело не закончится.

– Чё, чё?! – вылупил от удивления глаза мужлан и невольно приосанился, выпячивая грудь.

«Да, – в который раз подумал я, – промахнуться тяжеловато. Вот только предмет нужен весомый. Кулаком такую грудину пробить будет проблематично».

– Не, вы чё там пропустили, я не понял?

– А он глухой, – попытожила одна из моих подружек.

– И, наверное, слепой, – предположила вторая. – Заплутал малость.

– Да я вам в жопу сейчас вдую, – совсем озверел питекантроп от такой наглости, призадумался, нервно раздувая ноздри, а затем, видимо не найдя лучшего сексприменения своему детооргану, повторил: – И еще потом туда же.

– А это не слишком? – встрял в дискуссию я, выразив таким образом сомнение в заявленных возможностях данного субъекта.

Тот аж позеленел.

– А ты вообще варезку прикрой, козел, бля, в натуре...

И еще с пяток слов в том же духе.

Боковым зрением я подметил, как два дружка потихоньку подбираются к нашему столу. А рядом сидевшие посетители в это время совсем не потихоньку, а, я бы сказал, очень даже шустро стараются покинуть тревожный пятачок.

«Пора», – решил я про себя.

На бармена рассчитывать было нечего. Он уже забаррикадировался у себя за стойкой. На охрану тоже. Та, сгруппировавшись у входных дверей в кабак, что-то обсуждала, вероятнее

всего, вмешаться или подождать, пока из меня сделают бифштекс, а затем этот бифштекс без лишних проблем вынести вон. И, судя по их бездействию, возобладало второе.

Ну и ладненько. Ну и фиг с вами. Сами постараемся. Только вы после этого не обижайтесь.

– А на-ка, – с чувством выдал я и от души пнул питекантропа в пах ногой.

Тот не ожидал от меня такого подвоха. Наверняка считал, что я его сейчас на дуэль буду вызывать, перчаткой по щекам хлестать. А вот не такой уж я милый мальчик.

Мужлан взвыл и попытался сложиться пополам. Закончить данный маневр я ему не позволил. Подхватив со стола бутылку, без зазрения совести въехал ею снизу вверх в широченный подбородок.

Не промазал.

Бутылка треснула. Чёй-то хрустнуло у этого умника, однако он удержался на ногах. Здоровый, стервец, оказался.

Я шустро вскочил на ноги и скорехонько сориентировался в обстановке.

Двое были рядом с явным намерением поддержать своего дружка.

Но не успел я что-то предпринять, как получил удар в челюсть, а затем второй урод въехал мне по черепушке чем-то тяжелым – при последующем рассмотрении это оказалась пепельница.

На некоторое время соображаловка отказала мне, перед глазами заплывали радужные круги, и интерьер кабака пошатнулся.

Наверное, мне пришлось бы туговато, если бы не мои подружки.

Они вскочили на стулья и, издав душераздирающий клич племени апачей, прыгнули на спины ничего не подозревавших противников, уж точно не ждавших таких действий со стороны слабого пола.

Пришлось им за это поплатиться.

Оседлав мужиков, обе девицы начали молотить их по загривку кулачками.

Я сделал несколько восстанавливающих дыхание вдохов, сжал виски ладонями, мотнул головой и понял, что могу продолжать бой.

Со всего размаху въехав по кумполу продолжавшему держаться на ногах питекантропу, который даже начал приходить в себя, я двинулся дальше. За спиной я услышал грохот и понял, что питекантроп наконец дисциплинированно завалился на пол.

Одним меньше. Пора мне заменить девчат. А то как-то даже несолидно.

Девчонки слазить с мужиков не желали. Обхватив их ногами за туловище, а руками за шею, они разгоряченно выкрикивали непотребные слова, не забывая при этом пощипывать, постукивать и подергивать головы супостатов.

Мужички вели себя неадекватно. Первый пытался сбросить с себя воительницу довольно тривиальным способом. Он крутился на месте, матерясь и норовя отцепить от себя неожиданно свалившуюся ему на спину прекрасную даму.

Второй пытался освободиться более действенным способом. Он крякал и норовил перебросить девчонку через себя. Получалось у него получше, чем у первого. По крайней мере, он уже расцепил на своей шее руки наездницы и теперь намеревался произвести окончательное действие – швырнуть девчонку как можно дальше.

Пришлось заняться в первую очередь оным индивидом.

Бац! Кулак въехал в живот.

Хрясь! Все тот же кулак, не мешкая, состыковался с физиономией поганца. Моя подружка пискнула и вовремя отлепилась от сего типчика. Потому как типчик, в результате уже третьего свинга, полетел спиной на ближайший столик. Очень так хорошо полетел, снес с поверхности стола посуду и с грохотом свалился на пол.

– Маша – я тут! – громко сообщил я своей второй подружке.

Та все поняла. Долбанула напоследок мужлана кулачком по башке и ловко соскочила на пол, затем отскочила в сторону от греха подальше.

– Убью суку!!! – заголосил от обиды освобожденный индивид и дико завращал глазами, отыскивая ненавистный объект.

– Я здесь, милый, – нежно поведал ему я, посылая ногу вперед.

Мужлан замахал руками, пытаясь после удара удержать равновесие.

– Тебе мало? – выдохнул я и вторично вломил субъекту ногой.

Туша грохнулась на пол и покатилась, сметая стулья.

– Вот и ладненько, – переводя дыхание, сообщил я. – Вот и погуляли. Славненько так погуляли.

Пока я восстанавливал дыхание, обстановочка в кабаке изменилась.

Охранники все же к чему-то пришли в процессе своего обсуждения. Сами не полезли в драку, а вот других товарищей позвали.

В кабак в спешке вбегали люди в камуфляже.

Я тяжело вздохнул. Н-да. Вот сейчас, кажись, начнется самое веселенькое.

Долго мне ждать не пришлось.

Меня быстренько скрутили, ткнули мордой в пол, а я даже не стал сопротивляться, потому как знал – для здоровья это вредно. Людей в камуфляже было намного больше, чем разъяренных алкоголем мужиков. Причем у камуфляжников в руках были дубинки и кое-что посерьезнее. Так что уж лучше полежать и понюхать кафель.

Зато мои девчата наплевали и на этих ребяташек. Они в унисон заголосили, чтобы их не смели лапать, а одна даже страшным шепотом сообщила, что имеет честь быть дочерью мистера Путина, посему уж что будет наглым, не въезжающим в обстановку «ментам», ей даже страшно теперь представить. В общем, она умывает руки.

«Наглые менты» отнеслись к родственным связям моей подружки довольно прохладно. Пробурчав, что именно такую дамочку им и надо до комплекта, они принялись вытаскивать моих подружек из кабака.

Лежа на полу, я слышал удаляющиеся женские голоса, когда они почти затихли, меня подняли с пола и, заломив за спину руки, подтолкнули к выходу.

На улице мои дамочки сменили пластинку и на глазах любопытной публики, коя столпилась у входа, наблюдая за процессом выброса деструктивного элемента, заверещали, дико хихикая, что их нагло шупают и притом так похабно, что они «щас кончат».

«Так-с, – подумал я. – Ох, и долго будут нас муржить. Если, конечно, пустить это дело на самотек».

Последнее я делать не собирался.

Меня и моих подружек бросили в одну машину. Троих, которых выволокли следом за нами из кабака, швырнули в другую. Эти трое выглядели похуже, чем мы. И душевно, и физически.

До отделения я решил помалкивать. А уж там...

2

Там первым делом я представился бойцом спецподразделения ГУВД столицы и потребовал телефон. На меня покосились с подозрением, затем с недоверием, а потом все же решили исполнить просьбу. На всякий случай.

Я вызвонил майора Довлатова, сообщил о своих трудностях, на что услышал: «Чтоб тебя» – и обещание скорого приезда в отделение, где меня держали.

Довлатов появился через полчаса. Крепкий, ростом под метр восемьдесят, седой, хотя ему не стукнуло даже сорока, он окинул меня скептическим взглядом, недовольно покачал головой и отправился куда-то наверх разбираться.

Через час меня и моих подружек выпустили из отделения.

– Вот только мне тебя и твоих проблем не хватало, – проворчал Довлатов, провожая меня до выхода из здания.

– Ящик коньяку? – предложил я свою обычную таксу.

– Угу, ящик, – буркнул майор. – Вали отседа пока. Сиди дома и не суйся никуда, ради бога. Потом решим...

Последнее Довлатов произнес со значением и быстренько исчез в отделении.

А я, подхватив подружек, так же быстренько двинулся к проезжей части ловить такси. Нечего, знаете ли, судьбу испытывать.

А как все хорошо начиналось. Я имею в виду сегодняшний день... С утра я поехал за город и на небольшом озере позагорал в гордом одиночестве. Затем вернулся домой, полный энтузиазма и желания культурно провести вечер. Иными словами, сходить на какой-нибудь концерт либо посетить эксклюзивную тусовку, вполне культурненько познакомиться с культурненькой же дамочкой и опять же культурненько с мужской приятностью уже с нею добить остаток суток.

Едва я так решил, как в дверь ко мне позвонили, а затем, после того как я неосмотрительно дверь-то открыл, вломились две мои старые пассии. И я понял, что о культурном времяпрепровождении стоит забыть.

Сначала посидели у меня дома. Дамочки ударно поглощали винцо, не забывая попутно подливать и мне. Затем, на мое бухтение о культуре, заявили, что знают только одно такое место – то бишь в смысле оной самой культуры. И что следует незамедлительно сие место посетить. Как понимаете, культуру в массы нес этот самый кабак.

Ну да ладно! В результате всех перипетий я вновь оказался дома. Только утреннее прекрасное настроение исчезло без следа. Болела голова – от возлияний и удара пепельницей. Распухла разбитая губа – короче, завидная программка имела место сегодня у меня вечером.

– Будем лечить, – заявила одна из моих подружек, усаживая меня на диван и окидывая изучающим взглядом.

– Всеми имеющимися подручными средствами, – добавила другая.

Подручными средствами были: йод, бинт, лед, холодная вода. А также – водка. А также – разгоряченные обнаженные женские тела.

Последнее оказалось наиболее действенным.

Как я заснул, не помню.

Но зато могу сказать, как проснулся. Сие произошло совсем не по моей воле.

3

Голова готова была разлететься на части, словно некий диверсант заложил добрую порцию взрывчатки. Когда я разомкнул веки, то понял, что диверсант тут ни при чем. Надрывался звонок у входной двери – настойчиво, не смолкая, отдаваясь тревожным эхом у меня в голове. Я болезненно поморщился.

«Ну и налился же ты, братец», – укорил я себя и стал вытаскивать из-под тел моих сексапильных див руки.

Девицы были не хилого десятка, и пришлось поднапрячься, чтобы освободиться.

Дамочки недовольно заворочались, сменили положения тел на ложе, однако глаза не разомкнули, продолжая спать и игнорируя непрерывный трезвон в дверь.

Помахав руками, разминая их (красавицы мои таки их отлежали), я неторопливо поднялся, сунул ноги в тапочки, хотел было двинуться из комнаты, но вовремя притормозил.

Я был совершенно гол, а в тапочках выглядел – просто обхохочешься.

Бросив быстрый взгляд на ворох одежды возле дивана, я прицельно выделил свои брюки и шустро их подхватил с пола.

На ходу застегиваясь, я пошлепал в коридор.

– О! – услышал я восхищенное, едва открыв дверь и представ перед визитером. – Хорош, гусь... Вместо того чтобы заниматься общественно полезным трудом, жрем, значит, водку и трахаем баб. Поздравляю.

– У меня отпуск, – обиженно процедил я в ответ, глядя на одухотворенное лицо майора Довлатова.

– А-а, – понимающе протянул тот. – Тады да. Тады понятно. На то и отпуск, чтобы громить кабаки и их посетителей.

– Это кто громил? – напыжился тут же я. – Я как раз наоборот. Я, можно сказать, пытался безобразия прекратить. И мне вообще-то удалось.

– Может, перечислить в порядке списка принесенный ущерб ресторану? – прищурился Довлатов.

– А чё? – изумился я. – Счет предъявили?

– Очень длинный, – и майор как-то беспредметно взмахнул рукой, что могло указывать на бескрайность этого самого счета. – Так перечислить?

– Это надолго?

– Пожалуй, время займет.

– Тогда входи, – приговоренно отступил я в сторону. – Раз долго...

– Это правильно, – согласился Довлатов, по-хозяйски входя в прихожую. – А то я уж думал, что мы так и будем стоять...

Я закрыл за гостем дверь. Тот сбросил с себя обувь и посмотрел на меня. Насмешки в его глазах я уже не видел. Было в них нечто другое. Усталость, озабоченность, тоска. Всего понемножку. И, встревоженный таким коктейлем чувств, я невпопад пробубнил:

– Я все возьму.

– Прикрой-ка варезку, – обиделся майор, заглянул в комнату и констатировал: – Так. Тут мы не поговорим.

– У меня есть кухня, – напомнил я.

– Ну? – не поверил наигранно Довлатов.

– Ага. И там никого нет.

– Во, – обрадовался майор. – Это нам подходит.

На кухне Довлатов сразу же уселся за стол, и едва я было двинулся к плите, как властно меня остановил:

– Не суетись. Мне ничего не нужно. А ты – подождешь. Так что сядь.

Я внимательно посмотрел на майора. Н-да. Веселости как не бывало!

– Что-то случилось? – спросил я, усаживаясь напротив.

– Можно сказать и так. Можно сказать, что случилось.

– Это как-то связано со вчерашним? – робко полюбопытствовал я.

– Да при чем здесь твоё вчерашнее?! Тоже мне событие – разбил несколько рож.

– Ну да, конечно, – поник я. – Всего-то. Мелочь.

– Но, – тут же многозначительно поднял палец Довлатов. – Услуга за услугу.

После этого майор заговорщицки оглянулся, недобро покрутил головой, словно пытаясь обнаружить схоронившегося супостата, приподнялся и закрыл дверь на кухню – испугался, что мои спермовыжималки неожиданно проснутся и, наострив ушки, проникнут в тайны, коими владел майор и в кои в той или иной степени хотел посвятить и меня.

– Ты ведь у нас теперь частный сыщик, – утвердительно проговорил Довлатов.

Я незамедлительно принял серьезный вид и поправил майора:

– Неправильно. Я занимаюсь розыском должников.

Довлатов удивленно посмотрел на меня, будто увидел впервые, затем задумался и уже уверенно заключил:

– Какая, к херу, разница.

Х-м. Я вообще-то разницу в этом находил. Я не следил за неверными супругами и супружницами, не собирал на кого-то компромат, не... Ну, если кто еще не знаком со мной, вкратце сообщу.

Розыск должников – это моя специальность. То, чему я посвятил себя в настоящее время. В мою задачу входит не только разыскать должника, но и вернуть долг. Я берусь за такие дела, которые уже считаются «дохлыми». И без лишней скромности могу сказать, что до сих пор не знал поражений. У меня свои методы. Я не использую утюги, цепи и щипцы. Мой метод – психологическая обработка дебитора. У каждого человека свои слабости, свой мирок; если с должным умом вторгнуться в него и с терпением поработать, то можно добиться всего.

Последние мои два дела были отчасти схожими. Заказчики Хан – владелец казино, а затем Родов – крупный воротила хотели отыскать нужных им людей. И тот, и другой по окончании вверенных мне поручений отдали Богу души. Померли ребятки, и в этом им помогли. Из чего вытекает, что иногда следует подумать – так ли уж нужно искать должника, каким бы он ни был. А то ведь – отыскать отыщешь, а проку-то, ежели после этого тебя отправляют в мир иной.

Передо мной сидел майор Довлатов, заместитель командира группы спецназа, под началом которого я в свое время служил. Он что-то от меня хотел, и вспомнив двух своих последних заказчиков, я как-то мигом погрузился. Я не желал продолжать цепочку смертей обратившихся ко мне. А уж своему бывшему командиру железно не хотел зла.

Я хотел, чтобы он жил и бодрствовал. И в меру сил помогал, когда я его попрошу. За обычную таксу – ящик коньяку.

– Ну, если я тебя напрягаю в чем-то, – как-то вмиг помрачнел Довлатов, увидев мое поскучневшее лицо, – то я никоим образом...

– Если я могу тебе в чем-то помочь...

Я развел руки в стороны – дескать, я к твоим услугам полностью и без остатка. Не говорить же майору о последних заказчиках, отправившихся в загробный мир. А просто отказываться – и того хуже.

– Можешь, – убежденно заявил Довлатов, вытащил из кармана брюк носовой платок и провел им по лбу, убирая появившиеся бисеринки пота. – Мне нужен сыскарь. И притом со стороны. Ты на эту роль как раз подходишь.

– Ага, – согласился я.

– Ты сыщик. Ты со стороны. И я тебя хорошо знаю. Так что полный комплект.

– Может, все же чайку? – решил я несколько притормозить ход беседы, однако Довлатов пресек мои намерения на корню.

– К черту, – отмахнулся он. – Дело дрянное. И очень запутанное.

– Очень?

– Очень. Иначе я бы к тебе не приперся.

Я посмотрел на Довлатова и понял, что так и есть. Лицо у майора было угрюмым и озабоченным. С таким лицом просто на посиделки не приходят.

Глава третья

1

Сначала она хотела пройти мимо этой комнаты, дверь в которую оказалась приоткрытой. Ей нужно было дальше – в самый конец коридора, где находилась входная дверь дома. Однако она остановилась: из комнаты лился тусклый свет, и ей показалось, что она услышала внутри шорох.

Поколебавшись с секунду, она раскрыла дверь и негромко позвала:

– Алексей?

Зов утонул в глубине комнаты.

За ее спиной слышались приглушенные голоса, а вот здесь, в этой комнате, царил безмолвие.

На всякий случай она еще раз позвала своего сына, хотя уже и поняла, что его тут нет, – если бы он был, то непременно откликнулся.

Впрочем, Алина не намеревалась сейчас отыскать сына. Просто она находилась в чужом доме, в гостиной остались взрослые, а ее Алексей с сыном хозяев этого жилища где-то гуляли. Услышав шорох из комнаты, она подумала – не здесь ли? И хотя она была спокойна за сына, в том числе и насчет его подобающего поведения в чужом доме, но мало ли?

Комната была пуста. И она решила, что шорох ей померещился.

«Совсем ты плоха, старушка», – посмеялась она над собой, хотела было продолжить свой путь, но взгляд ее задержался на столе, и она замерла на месте.

Свет от настольной лампы освещал стопку сложенных листов ватмана. Но не они привлекли внимание Алины. К штативу лампы была прислонена фотография, и вот на ней-то и остановила свой взор женщина.

Стол находился метрах в трех от нее, фотография была девять на двенадцать, но тем не менее Алина изображение разглядела, и что-то в нем ей показалось... пожалуй,стораживающим. Алина подошла к столу.

Снимок был сделан с высоты, скорее всего, с вертолета или низко летящего самолета. И на нем был не очень отчетливо зафиксирован ряд зданий, одно из которых ей показалось знакомым.

Она нахмурилась, взяла снимок и поднесла поближе к глазам. Теперь она готова была поклясться, что это именно то здание, о котором она подумала.

Она перевела взгляд на листы ватмана, лежавшие на столе.

С верхнего листа на нее смотрело лицо среднего возраста женщины. Задумчивое, с ранними морщинками на лбу. Это была жена хозяина дачи.

Из-под верхнего листа ватмана выглядывал уголок другого листа. Она машинально приподняла портрет жены Николая и невольно в очередной раз нахмурилась.

Следующий лист не был чертеж какого-то здания. Она не успела разобраться в чертеже и понять – что это. Раздавшийся голос, а затем звук шагов заставили ее мгновенно подобраться, выпустить верхний лист ватмана, а затем поставить на место фотографию.

Едва она это все сделала, как в комнату заглянул Николай.

В руках он держал бокал с шампанским и удивленно улыбался.

– Я тут иду, смотрю – свет, – поделился он своими мыслями. – А это, оказывается, вы.

– Я тоже шла – увидела свет и подумала, что, может, сюда зашел Алексей, – она попыталась дружелюбно улыбнуться, но получилась улыбка девчонки, которую застали в недозволенном месте и которая пытается всеми силами оправдаться.

– Мальчики играют на втором этаже, – сообщил ей Николай и несколько расслабился.

В одной руке он по-прежнему держал бокал, а вторую засунул в карман отутюженных брюк. В белоснежной шелковой рубашке, стильных брюках, с бокалом шампанского в руке и благоухающий дорогим парфюмом, он показался Алине кем-то вроде лондонского денди. Хотя она плохо представляла, как точно выглядят эти самые денди, но ассоциация у нее возникла именно такая.

Сама она была одета попроще – белые джинсы и такого же цвета топик. И дорогими духами она не благоухала.

– Это, наверное, я забыл тут свет выключить, – добавил он и внимательно посмотрел на нее, словно пытаясь понять, давно ли она находится в этой комнате.

– Мне нужно выйти, – она махнула рукой в конец коридора.

– Извините, – Николай приподнял бокал, как бы показывая, что повел себя несколько бестактно в данной ситуации. – Просто без вас скучно.

– Я не ухожу, – предупредила Алина и направилась к выходу.

Говорить с Николаем ей почему-то не хотелось. Во-первых – это «скучно». Черта с два им без нее скучно. По большей части она отмалчивалась – там, в гостиной, среди людей. Она вымученно улыбалась, вымученно выдавливала из себя редкие слова, вымученно ела, вот только пила – это она делала без мук. Так что в ее отсутствие будет повеселей.

А во-вторых... Во-вторых, эти странные вещи в этой комнате. Фотография и чертеж. Они диссонировали с тем, что она успела узнать о хозяевах дома. С их слов следовало, что Николай и его жена работают на каком-то акционерном предприятии, связанном с производством мебели. Фотография и чертеж не имели никакого отношения ни к мебели, ни к ее производству. Тут было что-то иное.

Выйдя во двор, она на некоторое время задержалась у порога дома, посмотрела на ночное, усыпанное блестящими точками небо, прислушалась к пению цикад и расслабленно опустила плечи. Возвращаться в дом не захотелось. Однако там остались сын и брат, а следовательно, нечего было и думать, чтобы уйти.

День сегодня начался вполне приятно. Они с Алексеем были вдвоем. Она соскучилась по сыну и хотела посвятить эти сутки только ему. Алина приготовила великолепный завтрак, накормила Алексея, а затем они вдвоем отправились на озеро, где нашли уединенное местечко и почти до вечера пробыли там.

Она загорала, Алексей купался, а между заплывами рассказывал, как провел время в лагере.

Вечером приехал брат.

– Всем привет! – басисто проорал он, заходя в дом и выпуская из рук сумку.

– Дядя Гена! – весело крикнул в ответ Алексей и ринулся к гостю.

Алина в это время была на кухне, готовила ужин. Услышав знакомый голос, она вытерла полотенцем руки и пошла в комнату.

Сперва она увидела повисшего на шее брата сына, затем взглянула на сумку и снова – на сына и брата.

Геннадий перестал прижимать к себе племянника, опустил его на пол и весело подмигнул Алине.

– Ты как, малышка?

– Как видишь. В тиши и уюте.

– Ну, – немедленно отреагировал братец, – насчет уюта не знаю, но вот твою тишь я, пожалуй, нарушу.

– Это ты можешь, – согласилась она. – Насчет тиши ничего не поделаешь. А вот уют я тебе трогать ни под каким соусом не позволю.

Он подошел к сестре и нежно чмокнул в щеку. Брат был старше ее на три года, ниже ростом и сейчас имел какой-то вид... Его вид Алине не понравился. Она знала братца как весельчака, а теперь... Он пытался шутить, говорить весело, а вот выражение лица веселым не было – покрылось мелкими морщинками забот.

Он прошел к дивану, плюхнулся на него и кивнул племяннику:

– Ты там, Алешка, открой сумку – сверху возьми подарок.

Дважды просить Алексея было не нужно. Прошла едва минута, а парнишка уже успел и сумку открыть, и вытащить на свет игрушку, и даже воскликнуть:

– Н-у, здорово!

В руках он держал какое-то замысловатое трехствольное оружие, которое при нажатии на курок светилось разноцветными лампочками и издавало пронзительный писк, будто лопнувшая струна.

С этого момента Алексей потерял к остальному всякий интерес. И на вопросы дяди о днях, проведенных в лагере, уже отвечал невпопад, а иногда просто пропускал их мимо ушей.

Алина налила в бокал вина и подала брату, при этом, поняв состояние сына, сказала Геннадию:

– Ему уже не до тебя. Пойдем на кухню?

– На кухню? Зачем на кухню? – братец откинулся на спинку дивана и расслабленно положил руки на верх, указывая, что ему и здесь очень даже неплохо.

– Просто я хочу знать, что у тебя стряслось. Пусть Алексей здесь играет – не будем ему мешать. И он нам.

Геннадий допил вино и поставил бокал на пол.

Она внимательно наблюдала за братом. И все больше убеждалась, что того нечто тяготит. Нечто, о чем ему очень хочется рассказать – ей, своей сестре. Как бы он ни пытался тянуть время.

– Что-то с работой? – предположила она.

– Можно сказать и так, – неопределенно пожал плечами он. – Можно сказать, что и по работе.

Он никогда не рассказывал ей, чем занимается. И она никогда не вмешивалась в дела брата. Но теперь в эти дела ей придется вникнуть. Она это поняла. И еще подумала – а к чему это приведет?

Поговорить им так и не удалось. Едва они собрались уйти из комнаты, как в дверь постучали, затем на пороге возник Николай.

Твердым шагом он вошел в комнату и широко улыбнулся. Затем поздоровался, потом познакомился с Геннадием и лишь после напомнил Алине об ее обещании сегодняшней вечер провести в их доме. Сообщил, что забрал сына из больницы, и хотя тот еще ходит с перевязанной в области предплечья рукой, но будет очень хорошо, если их дети познакомятся (при этом он не преминул потрепать занятого игрушкой Алексея по волосам), потом добавил о готовности ароматного шашлыка, а также наличии хорошего вина. В общем, оставалось дело за малым – чтобы Алина, ее сын Алексей, ну и, раз уж так удачно получилось, Геннадий пожаловали к накрытому столу.

Николай был само радушие. Во время своей речи он не прекращал улыбаться, как, впрочем, и по ее завершении.

– У вас много гостей? – Алина заострила внимание на одежде Николая.

– Только жена и сын.

Алина посмотрела на Геннадия. Ей хотелось поговорить с братом, но и отказываться от приглашения Николая было невежливо. Ведь она сама вчера согласилась. Люди старались. Шашлыки, вино... Вон даже Николай приедется.

Она критически осмотрела себя. Джинсы, топик. Как будто Николай и она шли на разные вечеринки.

– Мне нужно переодеться, – неуверенно заявила она.

– Что вы, – тут же возразил ей Николай. – Все отлично. Это, знаете ли, у меня дурацкая привычка – люблю при случае покрасоваться.

У нее такой привычки не было.

– Мои жена и сын очень вас ждут, – напомнил Николай.

С сыном этого человека она успела уже познакомиться, а вот с женой...

Алина посмотрела на брата.

– Ты, наверное, устал, – начала она, но Геннадий ее тут же перебил:

– Да нормально, сестренка. Я схожу с тобой. Знаешь, одному мне что-то не хочется оставаться.

Почему-то ей тоже не хотелось оставлять брата одного. Она желала его выслушать. Вполне возможно, это удастся сделать, когда они будут возвращаться. На свежем воздухе Алешка явно убежит вперед, и они смогут поговорить.

Решение показалось ей удачным. И уже через несколько минут они вышли из дома.

Жена Николая была невысокой худенькой блондинкой. Коротко стриженные волосы, легкое платьице, подчеркивающее ее хрупкую фигурку, – казалось, это была фарфоровая кукла, тронь которую – и она моментально рассыплется. Но жена Николая, Людмила, несмотря на свою хрупкость, была довольно расторопна. На пару лет младше своего мужа, она во всем ему подчинялась. Это проскальзывало и в подобострастных взглядах, и в поддакивании каждому его слову.

Дети оказались одного возраста, одного роста и даже одной комплекции. Единственно, сын Николая был намного бледнее. И это понятно. Мальчишка был ранен.

Дети довольно быстро нашли общий язык и вскоре оставили взрослых, убежав из гостиной, где был накрыт стол.

Больше всех говорил Николай. Он стал душой компании, если можно так сказать. И по мере убывания вина, шампанского и шашлыка говорил он все больше и больше. Людмила изредка вступала в беседу, и то лишь чтобы поддержать мужа.

Геннадий больше пил. Ел мало. И неплохо выполнял роль собеседника. Алина даже подумала: хорошо, что рядом с ней оказался Геннадий, потому как собеседницей она была никакой.

В один из моментов она вышла из-за стола. По пути она заглянула в комнату, где обнаружила пару странных, как показалось, вещей. Здесь ее и застал Николай, с которым они перекинулись парой фраз, и уж потом вышла во двор и пошла к уборной.

Возвращаясь, к немалому удивлению, она обнаружила стоящего на пороге дома Николая. Он словно ждал ее.

– А знаете, я тоже решил немного подышать свежим воздухом. Наверное, нам нужно было сделать перерыв. Я даже вначале думал, а не поставить ли стол прямо на лужайке. Но потом решил – нет. Комары заедят.

– Комары – это неприятно, – согласилась она.

– Вот и я о том же. А у меня к вам есть предложение, – неожиданно резко переменил он тему. – Наши дети, вижу, подружились. А у меня тут... В общем, от работы у нас отправляют детей на три дня на отдых. Усиленное витаминизированное питание, какие-то американские развлечения. Короче: почему бы нам не отправить мальчишек вместе?

– Мой только что вернулся из лагеря, – напомнила она ему.

– Ну и что? – искренне удивился он. – Всего-то три дня. Я думаю, удовольствий много не бывает. Тем более, фирма полностью оплачивает отдых ребятишек.

– Но я не работаю в вашей фирме.

– Зато я работаю. И этого достаточно, – твердо заключил он.

И Николай, словно решив слишком не углубляться в данную тему, быстренько затушил сигарету и отошел в сторону:

– У вас есть время все хорошенько обдумать, а пока – пойдете в дом. У нас еще десерт. И мне кажется, вы не будете в нем разочарованы.

Она не была разочарована. Торт испекла сама хозяйка. И торт был очень вкусный. Она это отметила. И больше ничего. Последнее время она вообще была скупа на эмоции. Только и осталась эта грусть.

После торта и кофе они вернулись к вину.

Глядя на рубиновую жидкость в бокале, она на некоторое время задумалась, поэтому не сразу поняла, о чем беседовали за столом.

Говорил Геннадий, ему поддакивал Николай.

– ...я уж думал, что поеду в вагоне один. Нормально выплусь. Получится СВ суперклассса. Не тут-то было. В самый последний момент вваливается ко мне в купе мужик. Таких, как ты, два. Здоровый, гад, аки мамонт.

Алина нахмурилась. Какой вагон? Что за СВ? Генка ведь летел самолетом. Или она что-то упустила, чего-то не поняла.

– У всех толстяков имеется одна нехорошая привычка, – продолжал между тем Геннадий. – Они, заразы, храпят... И этот был не исключение. Полбутылки коньяка, туалетная бумага в уши, двумя подушками голову накрыл... Толку. Лишь к концу поездки кое-как сомкнул глаза.

И Николай, и Людмила понимающе кивнули.

Алина подумала, что позже заставит этого рассказчика все ей объяснить.

Дальше был совсем беспредметный треп. И она вновь задумалась, глядя в бокал.

– ...вообще ценные вещи нельзя оставлять ни на минуту, – ворвался в сознание голос Николая. – И ни на секунду. Иногда не ждешь сюрпризов. Кажется, все предусмотрено. И уж не может быть никакой беды, а тут – раз. Самое плохое – это благодушное настроение и вера в то, что ничего уже не может произойти. А вот может! И все, что хочешь.

Геннадий слушал внимательно. Даже очень.

А она подумала, что пора отправляться домой. Достаточно они тут насиделись.

Алина встала из-за стола и подошла к окну.

– Извините, – услышала она голос Геннадия, а когда обернулась, то увидела, как тот поспешно покидает гостиную. А затем услышала стук входной двери.

Она насупилась. Что это с братцем? Может, в туалет понесло?

Николай и Людмила переглянулись. Они тоже не поняли, отчего это Геннадий так быстро их покинул.

На некоторое время в гостиной воцарилась тишина.

Алина первой не выдержала, вернулась к столу, поставила бокал и твердо произнесла:

– Поздно уже. И детям пора спать.

– Да у них каникулы, – попытался не согласиться с этим доводом Николай, но, впрочем, не слишком настойчиво, будто понимал, что на самом деле нужно потихоньку закругляться. Но он был радушным хозяином и как таковой желал быть любезным до конца.

– Сейчас я позову детей, – проявила инициативу Людмила и отправилась на второй этаж.

– Знаете, – произнес Николай, когда они остались наедине, – а я так и не поблагодарил вас. За сына. Я хотел сделать вам подарок, но жена сказала, что это как-то... Ну, навязчиво, что ли. И я вот подумал об отдыхе. Я говорил уже. Про три дня в элитном лагере.

Увидев, что она собирается возразить, он замахал руками:

– Нет, нет. Не отказывайте. Это малая толика того, что я могу сделать.

Они вышли во двор и стали дожидаться ребят и Людмилу.

Прежде чем те появились, Алина, глядя в черноту ночи, успела спросить:

– Странно, куда это Геннадий делся?

Вопрос не был обращен ни к кому конкретно, словно она адресовала его ночной темноте. Однако ответил ей Алешка, первым выскочивший из дома и услышавший слова матери.

– А дядя уже домой пошел. Я видел.

Она насупилась. И в который раз подумала, что странно все это. И еще – зря она пошла с братом сюда, не переговорив предварительно о том, что его тревожило.

Она поторопилась распрощаться с соседями, рассыпаясь в благодарностях и получив в ответ не менее теплые слова.

Взяв за руку Алексея, она поспешила домой.

Еще на подходе к дому сердце у Алины неожиданно тревожно забилося. Так оно билось раньше, когда она чувствовала опасность на прежней службе.

И предчувствия ее не обманули.

2

Он успел сделать несколько вещей. Во-первых, то, что ему следовало сделать сразу, как только он появился в этом доме.

Во-вторых, он взял свою сумку и поднялся на второй этаж.

Успел войти в комнату, которая обычно отводилась ему в этом доме.

Успел еще поставить сумку на кровать, зажечь свет и расслабленно вздохнуть. Возможно, он зря заволновался и бросился в дом. Может, лучше было уйти вместе с Алиной и Алешкой. Но... Он не смог удержаться.

Возможно, все зря. Возможно...

Он подумал, что слишком много выпил. И вообще не стоило пить. Ведь ему предстоит разговор с сестрой.

Когда сзади скрипнула дверь и раздался знакомый голос, он понял, что слово «предстоит» следует употреблять в прошедшем времени.

– Я вовремя? – поинтересовался вошедший, бросил взгляд на сумку и после этого уверенно подтвердил: – Вижу, что да.

Он успел лишь открыть рот. Направленное на него оружие остановило возможный поток слов.

– Надеюсь, в сумочке все, что мне нужно, – сказал вошедший и легко нажал на курок.

Бах! Голова дернулась, словно по ней въехали кувалдой. Из правой глазницы брызнула вязкая бурая жидкость и оставила на стене кровавый след.

Тело Геннадия плюхнулось на кровать, потом безжизненным кулом скатилось на пол.

– Вот зараза, – произнес человек с пистолетом. – Сумку измазал.

Он брезгливо подхватил двумя пальцами сумку за ручку и поставил ее ближе к дверям, на чистое место.

Дальше его ждало разочарование.

Он расстегнул сумку и насупился:

– Не может быть! – человек остервенело стал вытаскивать из сумки обычную одежду, какие-то не представлявшие для него интереса вещи. Когда сумка оказалась пуста, он чуть не взвыл, что раненый зверь.

Его взгляд метнулся на застывшую на полу фигуру, на кровать... Ничего больше он уже придумать не мог. С улицы донеслись голоса, а затем послышалась возня у входной двери.

– Ну надо же, – выдохнул человек с пистолетом, сунул оружие себе за пояс и бросился к окну.

Ни с кем больше он здесь встречаться не собирался.

Открыв окно, он посмотрел вниз, оценил расстояние и решил, что без проблем спрыгнет на землю.

Он схватился руками за подоконник, перебросил туловище через него, завис на руках и разжал ладони.

Умело сгруппировавшись, он приземлился, быстро поднялся и поспешил к калитке. Пришедшие уже вошли в дом, и он мог спокойно покинуть территорию.

Однако сразу он этого не сделал.

Проходя мимо гаража, остановился. Дверь была приоткрыта, и убийца, лишь на пару секунд призадумавшись, решительно вошел в гараж.

Там стояла машина. Именно она и была ему нужна.

– Какая беспечность, – довольно буркнул человек, открывая дверцу и пряча в бардачок пистолет. На руках у него были перчатки, и он не заботился об отпечатках пальцев. А вот как оказался пистолет в машине, кому-то придется объяснять. И он знал кому.

Затем вышел из гаража, прикрыл за собой дверь. И наконец двинулся к калитке.

Человек не получил того, что ему было нужно, но не отчаивался. Шансы еще у него оставались.

3

Первым делом, войдя в дом, она крикнула:

– Гена!

Ответом ей была тишина. И тогда она обратила внимание на Алексея:

– Марш мыться и спать.

Сын выскочил из дома и поспешил к рукомойнику. Алина зажгла свет на крыльце и тоже вышла наружу.

Она прислушалась, и ей показалось, что она слышит шаги. Она затаила дыхание, но ничего не уловила.

«Черт. Опять чудится», – подумала она, вспомнив, что какие-то шорохи ей уже мерещились в доме Николая.

Она посмотрела, как плещется возле рукомойника Алексей, прошла возле дома и, взглянув вверх, увидела, что одно окно на втором этаже открыто и из него льется свет. Комната была Геннадия – вот только почему он не откликнулся?

А затем она увидела, что, оказывается, гараж у нее не закрыт. Неужели она забыла? Сегодня она никуда не выезжала, а значит... Неужели со вчерашнего дня гараж стоит открытым?

«Выходит, дорогуша, что к слуховым галлюцинациям ты смело можешь приплюсовать и рассеянность. Хорошенький набор, нечего сказать», – позлорадствовала она.

Она вернулась в дом и поднялась на второй этаж. Все-таки брат волновал ее больше, чем незапертый гараж.

Когда она увидела его в луже крови, то поняла, что волноваться ей придется ой как много.

Она склонилась над братом, перевернула его на спину и едва не отпрянула, когда на нее глянула пустая глазница.

На некоторое время она впала в транс, и из этого состояния ее вывел Алексей.

– Мама... Что здесь?

Она резко обернулась и подскочила к сыну.

– Не смотри, иди в свою комнату.

– С дядей плохо? – голос у Алексея задрожал.

– Очень плохо. И с дядей. И с нами тоже.

Она отвела сына в его комнату. А затем вызвала милицию. Врачей вызывать смысла уже не было. Они ничем помочь не могли. Брат был мертв.

Глава четвертая

Косарев

1

– Я бы сказал, что все началось около полутора лет назад, – начал Довлатов.

– Н-да, – задумчиво протянул я. – Что, такое длинное дело?

– Если ты будешь меня перебивать, – мигом отреагировал мой бывший командир, – оно окажется еще длинней. И вообще, я разве сказал, что началось именно дело? Я только отметил, что отсчет начал бы с этого времени. А вот то, что произошло... Оно произошло совсем недавно.

Полтора года назад была взорвана одна фирма. Может, ты и слышал. Совместное предприятие по обработке драгметаллов. На территории фирмы располагался цех, оснащенный дорогостоящей японской аппаратурой, находились спецы, плюс сырье... В общем, все взлетело на воздух.

Я нахмурил лоб, вспоминая. И что-то такое всплыло. Что-то я о том взрыве слышал – то ли по радио, то ли по телевизору. А может, читал в газете. Времени, сами понимаете, прошло немало.

– Шуму тогда этот взрыв наделал много. Выдвигали версию о терроризме, притом на международном уровне. Но... – майор многозначительно поднял указательный палец и закончил: – Дело в процессе расследования приняло неожиданный оборот, зашло в тупик и успешно «зависло».

– Так-с, – насторожился я, – и какой такой оборот?

– Понимаешь, фирма охранялась на все сто.

– Такое может быть? – засомневался я.

– Оказывается, может. Высоченный забор, по верху колючая проволока, датчики, которые фиксировали любое прикосновение к забору, каждый метр территории просматривался портативными камерами видеонаблюдения. Многочисленная охрана как на территории самого предприятия, так и вне.

– Что значит вне?

– В ста метрах от предприятия располагалось отдельно стоящее одноэтажное здание, в котором находилась дополнительная охрана. И при тревожном сигнале эти ребята могли выдвинуться на подмогу своим, тем, кто находился непосредственно на территории фирмы.

– Грамотно обезопасили себя товарищи.

– Ну да, – согласился Довлатов. – Плюс мгновенная связь с ближайшим отделением милиции.

– Ого, – восхитился я. – И что?

– А то. От самой фирмы мало что осталось, но вот отдельно стоящее здание с охраной не пострадало. При этом информация с камер видеонаблюдения поступала не только в комнату службы безопасности на территории предприятия, но и в это уцелевшее здание.

– Я понял, – кивнул я. – Так что там с информацией?

– Вот тут-то самое странное, – развел руками Довлатов. – Установлено точно – никто из посторонних на территорию фирмы не въезжал и не входил. Никаких попыток несанкционированного проникновения не зарегистрировано. Все посетители и транспорт тщательно проверялись. Досматривался и персонал фирмы. При этом как штатные работники, так и обслуга были известны в лицо.

– А кого ты зачислил в обслугу? – спросил я.

– Телефониста, сантехника и им подобных – то есть тех, кто мог заявиться на фирму под видом технической проверки либо ремонтных работ.

– Их не было, – понял я.

– Не было. А если бы и были – сразу стало бы ясно, кого искать. Так как на предприятии имелаась своя техническая служба.

– Получается, крайних не оказалось.

– В общем, так. В результате расследования было выяснено, что взрыв произошел на стоянке автомобилей возле здания управления. То есть приличное количество тротила провезли на машине. Вот тут-то и начинаются странности.

– Все машины проверялись. До винтиков, прежде чем въедут на территорию, – смекнул я. – То бишь никак тротил невозможно было провезти.

– Точно, – довольно подтвердил Довлатов. – И вместе с тем тротил был в одной из машин. В какой – установить не удалось. Слишком все разворотило и раскурочило.

– Сбросили с вертолета, – хмыкнул я.

– Не было никакого вертолета, – совершенно серьезно ответил Довлатов.

Я перестал ухмыляться.

– Тебе-то каким это все боком? – полюбопытствовал я. – Ты что, принимал участие в расследовании этого взрыва? Ты же замкомандира спецназа.

– Это потом, – отмахнулся Довлатов. – Понимаешь, прокрутили записи взрыва с видеокамер – ноль. Все входившие люди и все въезжающие машины досматривались самым тщательным образом.

– Может, охрану подкупили? – не слишком твердо выдвинул я предположение.

– Это нужно быть самоубийцей. Потому что погибли все, кто находился в момент взрыва на территории фирмы. И притом... На пленке не зафиксировано даже малейших отклонений от инструкции досмотра.

– Выходит, – озадаченно погладил я подбородок, – действительно никто не мог ни провезти, ни пронести тротил.

– Вот и я о том же. Безопасность была на уровне. Предусмотрено все.

– Что-то все-таки упустили, коль машина с тротилом оказалась на территории этой фирмы. Не по мановению же волшебной палочки взрывчатка там возникла?

– А вот это так и осталось загадкой. Информацию обобщили и... Ничего. Словно на самом деле волшебник, туды его сюды, взмахнул палочкой, организовав взрыв.

– А ты сам просматривал сохранившуюся запись с камер видеонаблюдения? – насторожился я.

– Ну, – замялся Довлатов, будто его уличили в непристойном поступке. – Вообще-то – нет. Но я был в курсе.

– Ну да, – согласно кивнул я. – Ты был в курсе. Как понимаю, сразу после взрыва твой отряд подняли по тревоге?

– Нас подняли. И выдвинули к объекту, где произошел взрыв, – не стал спорить Довлатов. – Но... Но затем ФСБ взяла это дело под свой контроль.

– И в вас надобность отпала. Тогда я по-прежнему не понимаю, что за интерес у тебя к этому делу.

– Спустя три месяца на воздух взлетела еще одна фирма, – не обратив внимания на мою реплику, продолжил Довлатов. – Акционерное общество закрытого типа по производству медпрепаратов.

Я тяжело вздохнул. Я не знал, к чему клонит майор, но больше решил не вступать с вопросами.

– В «Альфе» у меня есть друзья, – Довлатов расправил плечи, будто разминаясь перед схваткой. – Так вот, эти два взрыва объединили в одно дело. Слишком много совпадений.

Опять мощная охрана, опять тротил и опять ничего. Никаких зацепок. Но в отличие от первого случая во втором остался в живых один из охранников, стоявший в момент взрыва возле пропускного пункта. Его отшвырнуло взрывной волной и прикрыло сверху плитой – она-то и спасла его от осколков. Также не было отдельно стоящего здания с дополнительной охраной. Оставшийся в живых охранник лишь подтвердил, что тротил на территорию предприятия попасть не мог.

– То есть там тоже досматривались и люди, и машины. Был высокий забор с датчиками и так далее.

– Точно. И еще – взрыв опять произошел на автостоянке на территории фирмы.

– Об этом тебе твой друг из «Альфы» рассказал?

– Он.

– Ты уверен, что твой друг владеет полной информацией?

Довлатов нахмурился, однако не торопился давать утвердительный ответ. Скорее всего, этот человек из пресловутой антитеррористической команды владел лишь обобщающей информацией, более детальной разработкой дела занимались иные люди, связей с которыми Довлатов не имел. Но зачем ему это все-таки надо? Опять тот же вопрос.

– Общей картиной он владеет, – после продолжительной паузы подтвердил мои мысли Довлатов.

Ну что ж. Согласимся с тем, что существует некий невидимка, который незаметно проникает на усиленно охраняемый объект, плюс к тому он это делает на машине, начиненной тротилом. Прodelав сей фокус, невидимка спокойно исчезает, не забывая при этом привести в действие взрывной механизм.

Если бы я не знал Довлатова, я бы к этому рассказу отнесся более чем скептически, потому что я не верю в невидимок. А значит, и провезти на усиленно охраняемую территорию мимо бдительных охранников незаметно тротил невозможно.

Однако, по словам Довлатова, это произошло. Тротил был провезен. Незаметно мимо охранников. Что можно считать полнейшим бредом. Либо наличием невидимки.

– Ну хорошо, – не выдержал я. – Не установили, каким образом взрывчатка оказалась на территории предприятий, но другое-то...

– Что другое? – не понял Довлатов.

– А кто был заинтересован в уничтожении этих фирм? Если предположить, что это были не просто террористические акты, а осмысленные действия по уничтожению конкретных объектов.

Довлатов потер подбородок и вынужден был признаться:

– Не знаю. Но специфика фирм разная, так что...

Так что террористический акт тут подходил больше – это следовало понимать таким образом.

Я не стал затевать дискуссию по сему вопросу. И вернулся к самому началу.

– Что ты хочешь от меня?

– Это произошло через два месяца после второго взрыва, – игнорируя мой вопрос, продолжал Довлатов. – В управление позвонил мужчина, собиравший в лесу ягоды, и сообщил, что он видел знакомого с оружием, который направлялся к разрушенному зданию недалеко от одной деревушки. Звонивший добавил, что также слышал голоса, доносившиеся из этого здания...

Довлатов запнулся и посмотрел на меня как-то виновато.

– Мое подразделение оцепило это здание, – продолжил майор. – Но прежде, чем мы ворвались внутрь, произошло нечто кошмарное. Из дома выскочил пацаненок и вставшему на его пути бойцу всадил из обрез пулю в грудь. А затем побежал в сторону леса. Никто не бросился за ним следом. И не выстрелил вслед – это был мальчишка... Мы вломились в здание

в надежде, что там обнаружим настоящих матерых гадов, но... Внутри никого не было. Тогда мы бросились за парнишкой, обнаружить его не удалось... Так что мы остались ни с чем. Более того, я потерял бойца. А можно сказать, что и двоих.

– Что означает это твое «можно сказать»? – потребовал я разъяснений.

– Его жена также служила вместе с ним у меня в отряде.

– Я их знаю?

– Нет. Они пришли после того, как ты уволился из органов.

– И она... Она принимала участие в той операции, когда погиб от руки мальчика ее муж?

– Она координировала наши действия: сидела в машине, на которой мы прибыли, и держала с нами связь через переговорное устройство.

– Значит, она видела, – констатировал я.

– Видела.

– Но она осталась жива?

– Она осталась жива. Но ушла со службы. Не смогла остаться... И еще. После того прокола приехали фээсбэшники и объявили, что мы влезли, куда нам не положено, и все испортили. Оказывается, в том здании должны были находиться те, кто, как они считали, каким-то образом причастен к двум взрывам, о которых я тебе рассказывал. Они считали свою информацию верной, даже несмотря на то, что никого не обнаружили на этих развалинах.

– То есть ФСБ выяснила, кто протащил тротил на два погибших предприятия?

– Ничего они не выяснили. Просто вышли на канал поставок большой нелегальной партии тротила. И получили сведения, что сделка на крупную сумму должна была состояться в этом здании. А так как при взрывах предприятий также использовался тротил, то, вполне возможно, это были одни и те же люди. Но мы опередили ФСБ, и все шишки полетели в нашу сторону.

– А любитель ягод? – напомнил я.

– А что любитель ягод? Он даже не смог описать человека с оружием. Видел он его со спины. И то смотрел одним глазом, прячась за деревьями, – боялся, сердечный.

– А этот мальчик-стрелок?

– Испарился. Как и другие, кто, по идее, должен был находиться в полуразрушенном здании. Алина...

– Какая еще Алина?

– Жена погибшего бойца. Уволившись из органов, она пыталась самостоятельно отыскать людей, которых должны были тогда взять. Через какое-то время бросила это занятие и занялась сыном.

– То есть у нее ничего не получилось, – констатировал я.

– У нее не получилось, – не стал спорить Довлатов. – И, в принципе, я рад, что она перестала этим заниматься. В конце концов, жизнь продолжается. Следовало прежде всего думать о сыне. Алина устроилась на работу, растит сына Алешку.

– Замуж снова не вышла?

– Нет. Она из тех, кто очень долго не может смириться с потерей близкого человека.

– Так-с. Ладно. Теперь я узнал еще и об Алине. Хоть после этого ты, наконец, можешь мне сказать, что ты хочешь от меня?

– Могу, – кивнул Довлатов. – Теперь могу. Я хочу, чтобы ты помог Алине.

– Чего?! – вылупил я от удивления глаза. – Ты просишь, чтобы я разобрался в двух взрывах и отыскал гадов-террористов?

Ничего себе задачка. Значит, ФСБ разобраться не смогла, а я, спасибо Довлатову за оценку моих способностей, смогу. Однако это просто смешно.

– Нет, – покачал головой Довлатов. – Не это. Вчера на даче Алины был убит ее брат. И у нее проблемы.

2

– Брат?

Я поморщился. Кажется, мне необходим перерыв. Чёй-то я перестал поспевать за мыслями Довлатова. То он одно говорит, то перескакивает на другое.

Не обращая внимания на майора, я поднялся и подошел к холодильнику. Открыв дверцу, я обнаружил внутри пиво и едва не мурлыкнул.

– Пиво будешь? – на всякий случай предложил я. И, как и ожидал, получил отказ. Ну а мы очень даже с превеликим удовольствием.

Откупорив бутылку, я сделал несколько глотков и, довольный, вернулся на прежнее место.

– Этот брат как-то связан со взрывами? – спросил я, ставя бутылку на стол.

– Почему связан? Я разве такое говорил? – удивился Довлатов.

– То есть?! – я готов был взорваться. – Ты ведь сам сказал, что все началось полтора года назад.

– Я сказал, что отсчет можно начать с этого периода, – поправил меня Довлатов. – Именно с того момента жизнь у Алины пошла наперекосяк.

– Постой, постой... Если ты подразумеваешь смерть ее мужа, то его ведь пристрелил мальчишка. Разве нет?

– Ну, – протянул Довлатов.

– Но ведь это еще не значит, что мальчишка был связан с подрывниками, – закончил я свою мысль. – Их-то в злосчастном доме не оказалось.

– Ну да, – согласился майор. – Я, вообще-то, то же самое говорил Алине. Но она в этой связи уверена твердо. Вот поэтому я и начал с полутора лет назад. Чтобы ты понял, в каком состоянии находится Алина. Ей было плохо после потери мужа. А теперь... А теперь и брата еще вчера убили.

– Я понял, – успокоил я Довлатова и вернулся к первоначальному: – Так чем я могу помочь?

– Я хочу, чтобы ты с ней встретился и поговорил. Она тебе все расскажет.

В тот момент я не особо сознавал, во что собираюсь ввязаться. Я просто сидел напротив Довлатова, вертел в руке бутылку и думал, что Довлатов слишком много внимания уделил уничтожению двух фирм, которые с братом Алины, по его словам, никак не связаны. Только с самой Алиной. И то под вопросом. И кто тот мальчишка, оборвавший жизнь ее мужа?

Я задавался вопросами и все больше убеждался, что Довлатов что-то недоговаривает. А о брате Алины, из-за гибели которого, опять же по словам майора, и появились у нее проблемы, вообще ничего не сказал. Получается, он пришел, чтобы подготовить меня к встрече с Алиной, которая и должна все разъяснить окончательно.

Передо мной сидел мой бывший командир, которому я доверял.

– Мы ведь боевые друзья, – словно прочитал мои мысли Довлатов. – И как бы нас судьба ни раскидала – мы ими и останемся. Алина из нашего числа, хоть тебе и не пришлось с ней служить.

Я утвердительно кивнул головой. Мы были боевыми друзьями. И отказать Довлатову я не мог.

А еще я подумал, что придется в срочном порядке будить моих подружек и быстренько их выпроваживать. Перед встречей с протеже Довлатова следовало привести себя в порядок.

Глава пятая

1

Алина стояла у раскрытого окна и смотрела в глубь сада, где на сделанных ее мужем качелях качался Алешка. В руках у нее была чашка с горячим чаем, вот только темный, испускавший парок напиток она не пила. Она держала чашку ладонями, словно согреваясь от нее, и тепло действовало на нее успокаивающе.

Воспоминания о том дне вновь терзали ее душу.

О том злополучном дне, когда у нее на глазах упал муж, а она даже не смогла подбежать к нему в ту секунду. Потому что была далеко, сидела в машине и координировала действия спецназовцев. Она слышала выстрел, видела убежавшего мальчишку. И чувствовала, что ее голос срывается, когда она произносит слова по радиации. Потому что ей хотелось бежать туда, где только что возле проклятого разрушенного дома стоял ее муж.

Услышав по радиации отбой, она бросилась к мужу. Спотыкаясь, огибая одиноко растущие кустики.

Затем она увидела глаза мужа, что-то в них было странное. И она лишь после поняла что. Тогда, когда ее отнесли к машине, потому что ноги ее уже не слушались. Эти глаза мужа, мертвенно-застывшие, она потом часто вспоминала. В них были недоумение и какая-то безнадежность. Словно он знал, что с ним такое случится и никто ему не поможет.

После убийства брата ей нужно было срочно предпринять какие-то действия. Ради безопасности Алешки.

Она сжимала ладонями чашку и смотрела в глубь сада. И думала, правильно ли поступила, что попросила майора Довлатова, бывшего своего командира, о помощи. Помощь ей была нужна. Вот только Довлатов. Он разбередил старые раны, потому что был из того прошлого. Хотя полностью доверять она могла только ему.

Она думала, правильно ли поступила. И убеждалась в правильности своего выбора.

Ей нужно было на кого-то опереться. И Довлатов был в этом смысле отличной кандидатурой. После того, что с ней произошло прошедшей ночью, после прибытия к ней на дачу полиции... Пожалуй, она приняла единственно правильное решение.

Полицейские неторопливо, по-хозяйски разбрелись по дому – кто-то поднялся на второй этаж, где лежал труп Геннадия, кто-то задержался на первом этаже, принявшись заглядывать во все комнаты, а кто-то остался во дворе, надеясь обнаружить нечто значимое именно там.

Все были в штатском, и лишь удостоверение, предъявленное ей, да проблесковый маячок, беззвучно работавший наверху кузова стоявшего у калитки «уазика», свидетельствовали о принадлежности гостей к органам правопорядка. Но когда они степенно принялись за свою работу, можно было уже не сомневаться, кто эти люди, – даже если бы у них не было удостоверения и машины с маячком.

– Капитан Земской, – представился один из них.

Другие не посчитали это нужным.

Земской выглядел уставшим, и весь его вид осуждал того, кто заставил его тащиться в такую даль в такое позднее время. Этим нарушившим его спокойствие человеком была она – Алина.

Он без интереса слушал ее рассказ о том, как она нашла своего брата в луже крови и что перед этим они вместе находились в гостях у соседей.

– Так-с, так-с, – бурчал капитан, со скучным видом окидывая взглядом комнату, хозяйку дома и в отдельные моменты демонстративно пожевывая.

Что-то ей не понравилось в Земском. Может быть, его безразличие. Но это было слишком явным. Затем, когда она закончила свой рассказ, она наконец сообразила. Земскому было под сорок – этакий крупный плешивый дядя. Ему было под сорок, а был он в звании капитана – маловато для его возраста. Значит, что-то у Земского не сложилось по службе. «Вот только неудачника мне сейчас и не хватает», – пронеслось у нее тогда в голове.

– Так-с, – подвел он черту под ее рассказом.

Уселся в кресло, закинул ногу на ногу и принялся лениво интересоваться, чем занимался ее брат, куда он летал, откуда вернулся, что она видела и слышала, когда возвратилась от соседей домой и прежде чем поднялась на второй этаж, где и увидела мертвого брата.

Не получив вразумительных ответов, ну разве только что она ничего не слышала и никого не видела, Земской недоверчиво забарабанил пальцами по подлокотнику кресла, прикрыл глаза, словно показывая, что он занялся анализом услышанного. Хотя она сказала бы, что он просто решил вздремнуть. Это ее возмутило, и она, не удержавшись, сообщила, что когда-то имела честь служить в спецназе при ГУВД столицы и что такое отношение к произошедшему убийству ее, мягко говоря, удивляет.

– Ну, – Земской приосанился в кресле, – и какое у нас отношение к убийству?

Она не успела ему ответить. Со второго этажа спустился человек, подошел к капитану и что-то прошептал ему на ухо.

Земской с пониманием кивнул, попросил у Алины телефон и, дозвонившись, без каких-либо эмоций потребовал к дачному поселку «труповозку».

– Здесь ребенок, – не выдержала она, кивнув на забывшегося в угол дивана Алешку. – Вы хотя бы не травмировали детские ушки своими словечками.

– Вы сами изволили сказать – тут произошло убийство, – веско заявил Земской. – Так что никого я жалеть не собираюсь.

И он обиженно вскочил с кресла – дескать, вот его никто не жалеет, какого черта ему тогда поступать иначе.

Ситуация изменилась довольно скоро, когда в дом вошел коллега капитана, производивший осмотр снаружи. Он что-то положил на стол, аккуратно завернутое в тряпку.

Земской спешно, как охотник, почуявший дичь, сбросил тряпку и довольно хмыкнул.

– Значит, служили в спецназе, – понимающе бросил он. – Так-с, так-с... Это ваш?

Она смотрела на пистолет и чувствовала, как над ней нависает что-то огромное и темное, готовое вот-вот придавить к земле.

Оружие было с глушителем, видела она его впервые. Но то, что его аккуратно внесли в дом и положили на стол, свидетельствовало о том, что его нашли где-то у нее на даче.

И она тут же услышала подтверждение своим выводам.

– Его нашли в гараже, – прослушав донесение от своего коллеги, довел до ее сведения Земской. – Там стоит «Ауди». Это ваша машина?

– Машина моя, – сказала она, все еще не отводя взгляда от оружия. – Но пистолет не мой.

– Ну, конечно, – не стал спорить Земской. – Конечно, не ваш. На моем веку еще не было случая, чтобы вот так сразу признавались в хранении оружия. Однако сей пистолетик обнаружен в бардачке вашей машины. Что вы на это скажете?

– Ничего не скажу, – зло отрезала она. – Это не мой пистолет. И как он оказался в бардачке – я не знаю.

– Так-с, – затанул свое Земской. – А скажите-ка мне, почему вы ушли со службы?

– То есть? – в первую секунду не поняла она.

Он услужливо ей подсказал.

– Может, у вас с психикой что-то случилось? Все же вы женщина. А тут спецназ. Стрельба и все такое...

– Вы куда клоните, капитан? – взвилась она. – Что я убила своего брата? Да? В таком случае – это у вас с психикой не все в порядке.

– Ну, ну, – успокаивающе протянул он. – Вы уже начали нервничать. Не надо. А я, милочка, не псих. Хотя на такой работе им можно стать запросто... Что ж, придется ваших соседей позвать.

Он тоскливо вздохнул, дескать, созналась бы ты сейчас, дорогая, и все бы закончилось, а так вот...

Поднятые с постели, заспанные Николай и Людмила не скрывали своего удивления. Они молчаливо, непонимающе смотрели то на Алину, то на людей, которые их привели в этот дом, то на Алешку, то... То просто блуждали глазами по гостиной, не зная, как реагировать на происходящее. Когда им сообщили, что произошло и для чего их позвали сюда, они совсем стушевались. Николай помрачнел, что-то прогундел себе в подбородок. Людмила повела себя иначе. Вначале она застыла, словно изваяние, затем всплеснула ладошками и бросилась к Алине, принося ей свои соболезнования и еще кучу слов в утешение. Она едва не прижала Алину к себе, но та успела остановить женщину. Правда, поток слов от жены Николая при этом не уменьшился.

Земской скривился, будто эти нежности ему претили, однако не стал остужать женский пыл, деловито уселся в кресло, придвинул поближе к себе журнальный столик и положил на столешницу мелованный листок, на котором стал неторопливо что-то писать. После чего так же неторопливо принялся задавать вопросы Николаю и Людмиле, затем потребовал, чтобы они поставили свои подписи, затем... Затем со второго этажа спустились его коллеги и без слов кивнули капитану, как бы говоря, что они свою работу выполнили.

– Пистолетик мы отдадим на экспертизу, – посчитал своим долгом сообщить Земской Алине, со значением нажимая на слова, то бишь еще не поздно одуматься и чистосердечно признаться.

Алина едва сдержалась, чтобы не нагрубить.

Со двора послышался скрип тормозов.

– Ага, – встрепенулся капитан. – Вот и «труповозка».

Ее просьбу пожалеть уши сына Земской проигнорировал.

– Тело вашего брата мы возьмем на вскрытие. А завтра, я думаю, вы уже сможете его забрать. Ну там... похоронить.

Земской откашлялся. Когда вынесли на носилках накрытое простыней тело Геннадия и ушли коллеги Земского, оставив того одного, капитан вытащил из папки новый листок и как-то сожалеюще, что может пока себе позволить только это, проговорил:

– Подписка о невыезде.

– То есть вы меня не арестовываете? – ядовито спросила она.

– Пусть следователь из прокуратуры решает. Лично я бы арестовал. Но ведь это никогда не поздно сделать, а? – он заговорщицки подмигнул. А затем скорбно вздохнул, что вот следователь из прокуратуры может позволить себе не тащиться к черту на кулички среди ночи, а он...

– Мы опечатали комнату, где был убит ваш брат. Так что вы не пытайтесь туда проникнуть, – напоследок предупредил Земской.

– А в другие комнаты мне можно пытаться проникнуть? – она не скрывала издевки.

– Ну, не выгонять же вас на улицу, – посочувствовал Земской, хотя весь его вид свидетельствовал, что он не прочь был бы это сделать.

Когда капитан ушел, наступил черед Николая и Людмилы. Они вновь принялись успокаивать ее.

Поговорив немного, Николай и Людмила ушли домой, наказав, чтобы она в любой момент, не стесняясь, к ним обращалась.

Самым трудным оказалось уложить Алешку. Тот, чувствовалось, был напуган и жался к матери, когда та его пыталась убаюкать здесь же в гостиной на диване – на верх Алексей категорически отказывался подниматься. Наконец он уснул, а она осталась сидеть возле него.

Какое-то время она еще была спокойна. А затем... Алина осознала случившееся. Она потеряла мужа, а теперь вот еще и брата. Родители умерли давно. Теперь получается... Теперь получается, что, кроме Алешки, у нее никого нет из родных.

И она дала волю слезам. А рядом тревожно спал Алешка.

Заснула Алина под утро. Со слезами на глазах.

Она проспала около двух часов, и разбудил ее стук в дверь. Алешка еще спал, и она поспешила открыть входную дверь.

На пороге стоял невысокого роста средних лет мужчина в огромных дымчатых очках и с папкой под мышкой. От мужчины разлило потом.

– Обалденный, – ошаршил он с порога, даже не поздоровавшись.

– Чего?! – Алина тряхнула головой, словно отгоняя остатки сна.

– Моя фамилия Обалденный. Я следователь из облпрокуратуры, – нисколько не смутился визитер.

– Обалдеть мож... – начала она, но тут же прикусила язык. – Простите.

Алина посмотрела на часы, было начало десятого, и тяжело вздохнула. Следователь не замедлил явиться.

– Ничего, – благодушно махнул рукой следователь. – Можете называть меня по имени-отчеству – Захар Захарович.

– Ваши родители большие оригиналы, – заметила она.

– Ага, – не стал спорить Обалденный. – Моя мать вышла не по любви. Отца моего ненавидела. И когда я родился, к его фамилии подобрала и имечко. Разрешите?

Она хотела было отойти в сторону и впустить следователя в дом, но тут вспомнила, что Алешка еще спит, и предложила:

– Может, мы поговорим во дворе? У меня в саду есть столик, скамейки. В доме сын спит.

– В саду? Можно и в саду, – согласился Обалденный и посмотрел на голубое без единого облачка небо. – Погода отличная. Вполне можно и на свежем воздухе.

Под раскидистой яблоней Обалденный уселся за столик, положил на него свою папку, из которой извлек бумагу и ручку.

– Сначала небольшая формальность, – предупредил следователь и принялся аккуратно выводить ее фамилию, имя, отчество. После этого он деликатно попросил ее рассказать все, что произошло у нее прошлым вечером и ночью. Она повторила то, что уже рассказывала Земскому.

– Меня вот что смущает, – поделился своими сомнениями Обалденный, закончив записывать в протокол ее рассказ. – Во-первых, пистолет. По предварительному осмотру пальчики на нем отсутствуют. Однако из него стреляли. И можно не сомневаться, что это именно то оружие, из которого был убит ваш брат. Заключение баллистов будет позже. Но это формальность.

– Вот как, – враждебно отнеслась к этому заявлению Алина. – Формальность. Для себя вы уже все решили.

– Вы выслушайте меня, пожалуйста, – миролюбиво прервал ее следователь. – Пистолет найден в вашем гараже, в вашей машине. Как он там оказался, вы не знаете. Брат ваш ушел из гостей раньше вас. Правда, не намного. По вашим же словам. Однако вы никого постороннего не видели, ничего не слышали.

– Было открыто окно, – напомнила она ему.

– Да. Вполне возможный путь отступления. К сожалению, под окном асфальтированная дорожка, так что если кто и выпрыгнул из окна, следов, как понимаете, никаких не осталось.

– Что значит, если кто выпрыгнул? Вы считаете, что это я сама открыла окно?

– Ну, не нужно уж прямо так, – засмутился Обалденный, словно обвинять кого-то ему было выше сил.

– А что нужно прямо так? – взъелась Алина.

Земской недвусмысленно намекал на то, что она на прежней службе могла поехать умом, теперь и этот со своей идиотской фамилией склоняется к этому же.

– Я оперирую фактами, – веско аргументировал он. – И они пока что не в вашу пользу. Пистолет – это одно. Это во-первых, что меня смущает. Потому что он оказался у вас, а вернее, в вашей машине в гараже.

– Я пришла вместе с сыном. Неужели вы думаете, что я могла бы при нем...

– Успокойтесь, – перебил Обалденный Алину. – Вы же сами сказали, – он постучал по протоколу, как бы указывая, что теперь Алине никуда не деться, – что прежде, чем войти в дом, вы заставили сына помыть руки под рукомойником, то есть в доме вы были одна, затем вышли, прошлись возле дома, увидели открытым гараж, удивились.

– Я сказала правду, – ответила она и подумала, что правы те, кто говорит, что за правду обычно бьют.

– Может, и так, – не стал спорить Обалденный. – Я ведь вас пока не обвиняю. Я просто говорю, что факты против вас.

– А что вас смущает во-вторых? – не выдержала она.

– Вы ничего не знаете о брате, – любезно пояснил ей следователь. – Ни где он работал, ни чем занимался, куда летал и почему, как вы сообщили, прилетел раньше намеченного срока.

– Я ничего не знаю – потому что не знаю, – она сама почувствовала, что ее слова звучат не очень убедительно. – Зачем мне врать?

– Но это ведь ваш брат, – удивился Обалденный. – И вы с ним часто общались. Неужели он никогда не говорил о своем роде занятий?

– Я не спрашивала. Он не говорил. Я знаю, что он занимался бизнесом, но каким... Какая разница.

– Бизнес понятие растяжимое, – философски заметил Обалденный. – Проституцию тоже можно назвать бизнесом.

– Что за бред?! – поморщилась она.

– Почему бред? Вот если бы вы назвали место работы брата: фирму там, адрес – тогда понятно. Ну или его друзей. А может, он был частным предпринимателем-одиночкой?

– Я сказала все, что знаю. И я не знакома с его друзьями.

– Что ж. Хорошо, что вы хоть знаете, где жил ваш брат в столице. Попытаемся что-то выяснить у соседей.

Обалденный что-то еще записал, затем придвинул листок Алине.

– Прочитайте и подпишите... Мера пресечения о невыезде пока остается в силе. Вы будете на даче? В случае смены адреса вы должны нас об этом известить.

– Я буду на даче, – подтвердила она, ставя закорючку в протоколе.

– Ну и славненько, – Обалденный довольно спрятал листок в папку и встал со скамейки. – У вас тут хорошо. Плохо только, что произошло такое несчастье. Но мы постараемся во всем разобраться.

– Да уж постарайтесь, – язвительно проговорила она, также вставая.

– И вот еще что, – Обалденный вытащил визитку и положил ее на стол. – Если что вспомните – позвоните. А если понадобится вы – мы вас вызовем. К вам сюда повестки тяжело подвозить, так что не обессудьте, если мы сами нагрянем или попросим явиться к нам по телефону. Ну вы ведь сами понимаете, служили в спецназе. Я, кстати, затребовал на вас досье.

– И как, ознакомились с ним?

Ей почему-то это было неприятно.

Но для Обалденного это было обыденным.

– Еще не успел, – почему-то это вызвало на его лице улыбку, словно он указывал, что десерт оставил на потом.

Обалденный немного поколебался, однако не удержался и спросил то, что его очень занимало. Даже голос при этом стал каким-то вкрадчивым, а тело едва не вытянулось в струнку.

– Скажите, вам приходилось убивать?

– Катитесь-ка вы, – не выдержала она, едва сдерживаясь, чтобы не послать этого человека по известному всем адресу. – С меня хватит вашего Земского.

– А что Земской? – пожал плечами Обалденный. – Он хороший опер. Правда, у него бзик насчет женщин.

Обалденный захихикал.

– У меня тоже может появиться бзик, – предупредила она. – От разговоров с вами.

– Ну, ну, – как-то многозначительно буркнул Обалденный, направился к калитке, на ходу что-то пробурчав, вроде того, что психический срыв на самом деле у нее имеет место.

– Что вы сказали?

– Я говорю, что не прощаюсь с вами, – обернулся к ней следователь и, уже закрывая за собой калитку, счел своим долгом добавить: – «Висяков» у меня и так много...

Это могло означать что угодно. И в том числе, что больше «висяков» Обалденный не допустит. То есть он раскроет сие преступление. И очень быстро. Потому что кандидатура на заклание у него уже имеется.

Алина вернулась в дом. Нужно было поднять Алешку, сделать ему завтрак, а перед этим... она собиралась позвонить Довлатову. Другого человека, к кому она могла обратиться за помощью, Алина не знала.

Чай уже остыл, и она поставила чашку на столик. Затем вновь вернулась к окну. Алешка по-прежнему качался на качелях.

Когда после ухода Обалденного она дозвонилась до Довлатова, тот внимательно выслушал ее, пообещал сделать все возможное и добавил коротко: «Жди».

Она ждала. И когда раздался скрип калитки, она подумала, что это приехал Довлатов.

Она ошиблась.

2

Николай был в тех же шортах и той же майке, что и в вечер знакомства. Позади него шел его сын. Мальчик был одет в спортивный костюм; перевязанная рука поддерживалась на весу с помощью переброшенного через шею бинта.

Увидев Алешку, мальчик направился к нему в сад, а Николай шел к дому.

– Доброе утро, – произнесла она, открывая дверь прежде, чем Николай в нее постучал. – Хотя такое ли уж оно доброе, – тут же усомнилась Алина.

– Не знаю, что вам и сказать, какие подыскать слова. – Николай застыл на пороге, не решаясь войти в дом. – Как все хорошо начиналось, – грустно вздохнул он и тут же приободрился, будто вспомнив нечто очень важное. И, по всей видимости, это для него таковым и было. – Моя жена сказала, что в такой ситуации вам одной не стоит оставаться, и мы... Ну, соседски. Вы не хотели бы побыть у нас? У нас и завтрак готов. Да и вообще.

– Нет, спасибо, – отказалась она. Видеть людей, по-своему счастливых, для нее было хуже одиночества.

– Я все понимаю и... Может, я навязываюсь, но все же, – Николай замолчал, о чем-то подумал и уже более решительно закончил: – Прошлой ночью этот капитан... В общем, я понял, куда он клонил. Мне кажется, у него не все дома. Впрочем, от полиции иного и не следует ожидать.

– Я когда-то тоже служила в полиции. В спецназе, – нашла нужным сообщить она.

– К-хм, – не сильно ступешался Николай. – Может, я не так выразился. Но... Из лучших побуждений. У меня есть хороший адвокат. Отличный юрист.

– Спасибо. У меня тоже остались кое-какие друзья.

– Я только хочу как лучше, – по-всей видимости, Николай не ожидал отрицательного ответа. Он насупился, отвел взгляд, не зная, какими еще доводами склонить ее на свою сторону.

– Я тоже хочу как лучше. И поэтому позабочусь о себе. И пока это возможно – собственными силами.

– Н-да, – Николай решил оставить данную тему, по крайней мере на некоторое время. – Если вы не хотите к нам идти, то, может, Алешка побудет у нас?

Вот это Алине показалось не такой уж плохой идеей.

Алешке хорошо было бы сменить обстановку. И дом Николая был подходящим вариантом. Вроде бы Алешка подружился с сыном Николая. Правда, была одна деталь. То, что она увидела прошлой ночью в одной из комнат дома Николая. Эти чертеж и фотография. Это было странным и неподдающимся ее пониманию.

Однако Алешке стоило побыть некоторое время вне дома, где вчера был застрелен ее брат и его дядя.

– Я согласна, – кивнула она, чем несколько приободрила соседа.

Он обернулся и позвал детей, а затем, уже уходя, словно бы только что ему пришло на ум, напомнил:

– Вы, надеюсь, не забыли о моем предложении насчет отдыха ребят? Вашему сыну, мне кажется, это пойдет на пользу. Несмотря на то, что он уже и отдыхал.

Она хотела сказать, что только ей известно, что на пользу ее сыну, и будет опять же лишь сама решать, что предпринять в этой связи. Но промолчала. Николай пытался ей помочь, и было бы просто неблагодарно с ее стороны того в чем-то упрекать. Хотя... в памяти тут же возникли комната, чертеж и фотография. И это почему-то вызывало тревогу.

Когда Николай и ребята ушли, она словно бы встрепенулась. Алина подумала: какого черта она предается меланхолии. И еще – если она сама не постарается, никто ей не поможет.

Алина вернулась в дом, поднялась на второй этаж и остановилась возле двери комнаты, в которой был убит ее брат. Дверь была опечатана – сургучная печать недвусмысленно указывала, что не следует нарушать закон.

Пожалуй, если бы были веские причины, она бы наплевала на печать. Но веских причин пока не было, и она решила обойтись без нарушений.

Алина спустилась вниз, вышла во двор, обошла дом и остановилась под окном второго этажа. Убийца мог покинуть дом только этим путем. Если бы он вышел через дверь, она бы его, конечно, увидела.

Обалденный прав: на асфальтированной дорожке никаких следов не было, а дальше... Если убийца спрыгнул на эту дорожку, куда он двинулся дальше?

Дорожка вела мимо гаража, и она, проходя возле него, невольно нахмурилась, вспомнив, что именно здесь, в ее машине, был обнаружен пистолет, и еще подумала, что убийце как раз было по пути зайти в гараж и подsunуть ей ствол, чтоб его черти взяли.

Затем она прошла дальше и убедилась, что неизвестный вполне мог выйти по дорожке к калитке – как раз в то время, когда она и сын вошли в дом.

Выйдя за калитку, она задумалась о другом. Убийца должен был отсюда, по идее, уехать. То есть у него должна была быть машина. Но когда они возвращались из гостей, возле своего дома она машины не видела. Убийца, вполне возможно, мог оставить свою машину где-то в другом месте. Или... он вообще не выезжал с территории дачного поселка. Эта мысль ее испугала. И Алине не удалось от нее отвязаться.

Когда она возвратилась в дом, предположение, что в дачном поселке может находиться убийца ее брата, продолжало волновать ее. «Что за чушь?!» – убеждала она себя. У Геннадия что-то произошло, именно поэтому он возвратился раньше намеченного срока. И это «что-то» связано с работой. Как это он пояснил? «Можно сказать, что и по работе». И еще: «Есть нюансы». Да, что-то в этом роде.

Алина вдруг поняла, что ни к чему хорошему ее умозаклучения не приведут. И тут позвонил Довлатов.

– Будь дома, – без лишних слов бросил ей бывший командир. – К тебе придет мой человек. Он когда-то служил в нашей команде, но ты его не знаешь. Он отличный парень. И отличный сыскарь. Он постарается тебе помочь.

На этих бодрых нотках Довлатов закончил разговор.

Человек Довлатова приехал ближе к вечеру. И его вид не воодушевил Алину.

Гость был высок, крепко сложен. Вот только лицо какое-то помятое и припухшая губа. Словно весело провел ночь – оценила прибывшего Алина.

И не ошиблась.

Глава шестая

Косарев

1

Женщине было около тридцати. И она была не просто красива – в ней была некая изюминка, некий шарм. И это выделяло ее из числа многих красивых женщин.

И еще, от женщины исходила некая неземная, я бы сказал, печаль. Что-то такое, что трогало до глубины души. Меня лично трогало.

Если бы я не знал, кто передо мной и что произошло с этой женщиной год назад, а также в прошлую ночь, я бы... Интересно что? Попытался бы приударить?

Но я знал, кто эта женщина и цель своего приезда. А потому свои желания пресек на корню. К тому же я заметил, как она скривила свой миленький носик, и понял, что сие относится к моей персоне.

Что ж, видок у меня действительно был еще тот. Хотя я и попытался придать внешности приличествующий вид, это у меня не получилось.

– Вы от Довлатова? – все еще не веря, что это так, хотя я и сообщил ей об этом, спросила она.

– Я сам по себе, – не сдержался я, задетый таким приемом. – Вы Алина? Если да, то я именно тот, кого вам велел ждать Довлатов.

– Я Алина, – фыркнула женщина. – А вы точно служили в спецназе?

– Точно. – Мы беседовали на пороге, и я не преминул ей об этом напомнить: – Будем вот так стоять?

– А почему Довлатов сам не приехал? – женщина не заметила моей реплики.

– Он посчитал, что я лучше справлюсь с этим делом. Послушайте, Довлатов мне рассказал, что случилось с вашим братом и о ваших неприятностях. И еще – я знаю, что произошло у вас год назад и что вы ушли со службы. Нам не довелось вместе служить, однако я готов вам помочь.

– Значит, Довлатов вам и это рассказал, – как-то потухла Алина.

– Он хочет, чтобы я помог вам. А для этого я должен знать о вас все.

– Все? – с сомнением сказала Алина.

– Все, – подтвердил я. – Иначе ни о какой помощи не может быть и речи.

– Вы знаете, почему я подала рапорт об увольнении. А вы? Почему ушли вы? – И она, щелкнув пальцами по шее, спросила: – Не из-за этого?

Меня передернуло. Я готов был уже развернуться и удалиться с высоко поднятой головой: имеется у нас еще гордость. Но не поддался желанию.

– Ощущается отсутствие мужской руки, – нагло заявил я.

– Чего?! – глаза ее стали на пол-лица.

Я еще раз смерил ее взглядом. Она была красива, и все было при ней. Шарм, изюминка. Попка. Грудь.

– Положить бы вас на колени и отшлепать как следует по... – Я причмокнул губами и закончил: – Ну, вы знаете, по какому месту.

– Так вы к тому же и садист, – подытожила она, как-то по-новому оглядывая меня.

– Садист, пьяница, – подтвердил я и с ленцой демонстративно глянул на часы. – У меня мало времени. А своим временем я очень дорожу. Я потратил его, добираясь до вас, я сжег бензин...

– Вы предъявляете мне счет? – удивилась она.

– Я выдвигаю вам альтернативу – либо мы занимаемся делами, либо я откланиваюсь. И не успел я театрально развернуться, как она на одном дыхании выпалила:

– Входите.

Я лишь мельком оглядел гостиную, нашел ее без изысков и, остановив свой взгляд на кресле, направился именно к нему.

– Хотите выпить? – поинтересовалась женщина.

– Желаем-с взять меня на пушку? – хмыкнул я. – Я за рулем. А моя припухшая губа – это производственная травма.

Последнее прозвучало как оправдание.

– Ну да, – подхватила Алина. – Довлатов мне говорил, что вы сыскарь. Небось, частным образом практикуете? А ваше лицо бандиты помяли после накачивания вас алкоголем.

– Отсутствие мужской руки становится все явственней, – заметил я. – У вас погиб брат. И если вам не на ком выместить свою злость, то просьба – меня на эту роль не выдвигать.

– У меня нет злости, – Алина села на диван.

Она помассировала лоб, словно успокаиваясь и беря себя в руки. И я увидел, как у нее подрагивают пальцы. Она нервничала, и ее колкие слова были не более чем способом защиты. Слабая, надо сказать, защита.

– Как вас зовут? – неожиданно спросила она.

– Игорь. Некоторые меня называют Виртуозом.

– Я буду вас называть по имени, – выбрала первый вариант она. – Скажите, вы и вправду согласны мне помочь? Вот так просто?

– Не просто. А потому, что вы и я когда-то прошли одну школу. Как сказал Довлатов – мы боевые товарищи. А это значит многое.

Я вытащил из кармана рубашки небольшой блокнот и ручку.

– Вы мне сейчас все расскажете. Подробно. А затем мы вместе решим, что делать.

По тому, как она начала рассказывать, я понял, что своей историей она делится не в первый раз. Что ж! Придется ей потерпеть.

– Честно говоря, – закончила она свое повествование, – когда я позвонила Довлатову, я четко не представляла, какая мне нужна помощь. Впрочем, я и сейчас не представляю. Знаю одно – помощь мне нужна.

– Ну да, – не стал спорить я.

А про себя добавил, что она не только не знает, какая ей требуется помощь, но еще не совсем ясно понимает, какая с ней приключилась беда. Я даже решил, что над ней все еще довлеет потеря мужа. И новое несчастье ее сознание не восприняло до конца.

– Путей здесь не очень много, – продолжил назидательно я. – Дело спустить на тормозах...

– Что?! – возмущение ее, мне показалось, было не наигранным.

– Вижу – это вас не устраивает. Довлатов, по всей видимости, тоже так посчитал. Потому и обратился ко мне. Чтобы я попытался выяснить истину. Это другой путь. Будем выяснять истину?

– Истина где-то рядом, – ответила штампом Алина, и эти слова словно разбудили ее; она вздрогнула и посмотрела на меня твердо: – Будем искать. Это мой брат. И он не просто умер, а его убили, – она вскочили на ноги и зашагала по гостиной, скрестив руки за спиной. – С меня достаточно. Это какое-то проклятье. Я потеряла мужа, затем вот брата, и... И в обоих случаях виновники неизвестны. Как такое может быть?

– Вы у меня спрашиваете? – вскинул я брови.

– Геннадий, – она пропустила мой вопрос мимо ушей, – он... Ему от меня было что-то нужно. Этот его звонок, этот приезд ранее намеченного срока. Что-то было не так, но я, дура, не настояла, чтобы он сразу мне обо всем рассказал. И еще эти гости не ко времени...

Она села обратно на диван.

– Вы мне поможете? – в глазах у нее блеснули слезы.

– Если вы выберете второй вариант, а именно поиск истины, – то да. В первом случае – я вам не помощник.

– Я выбираю второй вариант, – с поспешностью кивнула она.

– Тогда придется разбираться со множеством вопросов. И первый из них: чем занимался ваш брат? Точно вы не знаете. Но он занимался бизнесом, и остается лишь выяснить – каким.

– Я не знаю.

– Ответ не верен. Вы можете точно не знать, но кое-что...

– Куда вы клоните?

– Ваш брат вам звонил. Я соглашусь, что он не поставил вас в известность о своем роде занятий, считая, что вас не стоит посвящать в суть, но... Но он вам позванивал, и вы... Вы наверняка тоже. Разве он не оставлял вам координаты, где его можно найти в случае, если возникнет в том надобность и его не окажется в его столичной квартире?

В первый момент она удивленно заморгала, анализируя мои слова, а затем удовлетворенно улыбнулась.

– Оставлял, – после недолгих размышлений сказала она. – Как же я раньше не подумала? Он дал телефон, по которому я могла его найти в случае острой необходимости. И если его сотовый не будет доступен...

Она встала, прошла к секции и взяла на полке небольшой картонный прямоугольник, что-то вроде визитки. Но визиткой это не было. На кусочке картона был от руки написан номер телефона – и все.

– Вот, – она протянула картонку мне.

– Вы звонили по этому номеру?

– И не один раз, – словно вспоминая, проговорила она.

– И кто вам отвечал?

– Женщина... Словно я дозвонилась до обычной турфирмы. И слова стандартные: здрасте, мы рады, что вы звоните.

– Может, вам как-то представлялись?

– Нет. Только приветствовали. Я спрашивала Геннадия, там интересовались, кто звонит, и... И соединяли с ним. У меня есть телефон, и мы ведь можем немедленно позвонить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.